

ЗЕЛЕНЫЙ ПРИЗРАК

Фантастический памфлет

ПРОРОК

Между старинными городами Бирштадт и Штадтбир на каменных обрывах у бурного моря с незапамятных времен стояли два божьих храма. Местные верующие видели в этом особое богорасположение. Что ж, на то и верующие, чтобы верить. Хотя если разобраться, то во всем виноваты их предки — рыбаки. В далекие времена, когда вся округа ломала одни храмы и строила другие, местные рыбаки просто ловили рыбу, в промежутках пили свое пиво, и у них не оставалось времени для религиозно-политических ссор.

Проходили мятежные и безмятежные годы. Рыбаки плодились хотя и не размножались. Ибо те, что не успевали утонуть в море, попадали в солдаты и героически умирали во славу разных королей. Менялись прихожане на черных вытертых скамьях, менялись голоса над захватанными кафедрами, и древние своды храмов безучастно усиливали звуки независимо от того, во имя добра или зла гремели благочестивые проповеди.

Древнее всегда ценнее современного. Так и древние кирпичи костелов вызывали у прихожан священный трепет. Таковы люди. им все кажется, что, если другие ценили, значит, может, и в самом деле дорого. Как будто мало примеров всеобщих заблуждений.

Но недавно с прихожанами что-то случилось. То ли они помнели, или рыбы в море поубавилось, и рыбаки стали чаще засиживаться на берегу, только их потянуло на новенькое. И с этого момента «божий оазис» раскололся пополам.

Два храма были совсем как два брата. Оба стояли у самого обрыва, оба когда-то служили маяками для моряков, жаждущих берега. И вот случай ввел еще одно похожее: в них появились отец Бриттер и отец Дриттер. Казалось бы, полный комплект. А вышел конфликт. Отец Бриттер считал, что священное писание и церковные атрибуты даны господом раз и навсегда, и тот, кто меняет их, — еретик и богохульник. Отец Дриттер был за гибкость и считал, что поскольку бог дал людям электричество, радио, модернизм и футбол, то почему церковь должна игнорировать их?

Одним словом, началась обычная борьба новаторов с консерваторами. Отец Дриттер начал с того, что радиофицировал свой храм, чтобы «до самого глухого прихожанина доходило слово божье». Разгневанный отец Бриттер в знак протеста вывернул

единственную лампочку, спрятанную под пологом кафедры и помогавшую святому отцу разбирать священные цитаты. Отец Дриттер выбросил зацелованный деревянный крест и заменил его огромным, смело стилизованным распятием из чеканной меди. Мстительный отец Бриттер выставил на всеобщее обозрение старый, засиженный голубями крест, который он откопал на церковном чердаке.

Но вот ведь что любопытно: эти два антагониста не могли и недели прожить друг без друга. Каждый находил немало поводов, чтобы навестить соседа и за душеспасительной беседой отдохнуть от нудных проповедей. Странными были эти беседы. Они начинались с тихих перепалок и кончались как-то вдруг, словно единственной целью святых отцов было взаимное прощупывание.

— До моих грешных ушей дошло, будто вы «улучшаете» слог священного писания? — опустив глаза, говорил отец Бриттер.

— Продиктованного святым духом? — иронически спрашивал отец Дриттер. — Но вы не могли не заметить, что святой дух знал по-латыни куда хуже, чем, к примеру, этот каналья Цицерон.

— Вы цитируете еретика Гольбаха, святой отец?

— Судя по вопросу, вы тоже его читали.

— Надо знать врагов церкви.

— О, святой отец, нам бы слишком легко жилось, если бы враги говорили только глупости. Не забывайте, что именно бог придумал дьявола. Разве он создал себе врага?..

Они никогда ни до чего не договаривались и расходились не то чтобы взвинченные, скорее освеженные беседой.

И в тот трагический день они, как всегда, встретились на прогулке над морским обрывом.

— С хорошей погодой! — сказал отец Дриттер.

— Бог милостив, — сказал отец Бриттер.

Они молча пошли бок о бок, как два оленя перед поединком, внимательно наблюдая друг за другом и выбирая момент для нападения.

— Говорят, с этого обрыва когда-то сбрасывали еретиков, — сказал отец Дриттер.

— Больно низко.

— Вы достойное дитя века, вы жестоки.

— Тверд, — заверил отец Бриттер. — Но разве теперь церковь тверда в защите веры?!

— Да, теперь не то, что во времена Сорбонны.

Отец Бриттер уловил иронию.

— Вы пользуетесь терминологией атеистов, — вскинулся он. — Но что вы можете противопоставить? Одна атомная бомба убила больше неповинных, чем вся святая инквизиция.

— Это потому, что у инквизиции не было атомной бомбы.

— Для утверждений нужны сравнения. А вот как «в святое старое время» — почти четыреста лет назад — некий Жан Боден предлагал бороться с ведьмами. «Нельзя придерживаться обычных правил судопроизводства, — писал он, — потому что доказательства этого зла настолько неопределенны и трудны, что из миллиона ведьм ни одна не была бы обвинена и наказа-

на, если бы соблюдался обычный юридический порядок». Что вы на это скажете, святой отец?

— Скажу, что юридический порядок и теперь не слишком соблюдается, особенно когда начинают «ловить ведьм».

Они замолчали, устав от первой схватки, сели на камни. Сосны шумели внизу тугими вершинами. За ними белела отмель. И бежали волны длинными шеренгами, выныривали из белесой морской глади и, пробежав положенные метры, таяли у невидимой сверху кромки берега.

— И четыреста лет назад так же бежали волны. Возникали и таяли. И четыреста лет спустя будут бежать. Вот оно божье величие!..

— Вы хотите сказать, что бог во всем, что выше наших понятий?

Отец Бриттер хотел было возразить, даже рот раскрыл и набрал воздуха для длинной тирады. Но так и остался с разинутым ртом. Ибо увидел такое, от чего сразу забыл все припасенные слова. В густом сумеречном небе, освещенная снизу косым солнцем, медленно плыла... летающая тарелка. Она была светло-зеленой, как дорогой фарфор. Потом тарелка начала опрокидываться и скоро превратилась в золотистый усеченный конус с темным диском наверху. Вокруг диска стоял голубоватый нимб.

— Что скажете? — шепотом спросил отец Дриттер, боясь опустить глаза.

— Скажу, что бог существует.

— А если это дьявол?

— Если есть дьявол, значит, есть и бог.

— Четыреста лет назад за эти слова вы попали бы на костер.

Но отец Бриттер ничего не ответил. Он вдруг заволновался, заерзал на камне, а потом вскочил и бегом пустился к своему старому храму, видневшемуся за лесом.

«Бедный старик, — подумал отец Дриттер. — Даже попроситься забыл...»

Он снова поднял глаза, но летающей тарелки уже не было. Вокруг, до гребенки леса, до дальней кромки моря, густо синело пустое небо...

А отец Бриттер мчался домой, не разбирая дороги и совершенно забыв о своем сане. Потом на вопросы людей, видевших его, он отвечал убежденно, что его звал бог. Но кто потом придумывает благопристойных объяснений своим поступкам?..

Он проснулся под утро на пороге храма. Его разбудила бабуся Марта — самая приверженная прихожанка.

— Отец Бриттер! Неужели и вы стакнулись с зеленым змием? — взвизгнула она, толкая его палкой.

У бабуся Марты когда-то утонул муж, потому что в праздничном состоянии полез в море за русалками. С тех пор она ненавидела пиво, море и женщин.

Голова отца Бриттера трещала, будто он вчера побывал на свадьбе. Но бабуся Марта ждала ответа, и божьему слуге пришлось быстро соображать, ибо он понимал, что от его первых слов зависело многое. Эта тихая бабушка обладала уникальной врожденно-приобретенной способностью разносить новости с фантастической скоростью. Как это ей удавалось, никто не знал, это была научная загадка. И вот теперь этот природный уникам

Рисунки Г. СУНДАРЕВА

стоял рядом, нетерпеливо поводя ушами, словно локаторами.
— О сестра Марта! — нашелся отец Бриттер. — Если бы вы знали, какое удивительное видение мне было...

Бабусины уши вздрогнули и замерли.

— Вчера вечером мы с отцом Дриттером мирно гуляли по

берегу моря и беседовали о боге. И вдруг мне был голос свыше: «Иди и увидишь!» Я побежал и на ступенях храма увидел человека, принявшего мой облик. На нем были яркие одежды, а на плечи спадали чудные зеленые волосы, свежие, как молодые листочки тополя или первая весенняя травка на лугах. «Слушай, отец Бриттер, — сказал он, — слушай и ничего не забудь, ибо я послан к тебе тем, кого ты любишь...»

— Ну-ка, ну-ка, — заволновалась бабуся Марта, и ноги у нее мелко задрожали.

— «Ты должен завтра же проклясть атомное оружие и впредь неустанно повторять это, пока люди не проникнутся...» Бог вспомнил о нас и снова посылает к нам своего сына. Но он хочет, чтобы мы прежде уничтожили атомное оружие — этот подарок дьявола. Если и теперь люди послушаются, то придет конец света!..

Отец Бриттер сам не заметил, как взошел на ступеньки и принял позу проповедника, так что чуткие уши бабуся оказались где-то на уровне его живота.

— Еще посланец бога сказал, что он отметит меня своим святым перстом, чтобы люди верили мне...

Тут утренний луч пробился сквозь листву и упал на ступени. И глаза бабуся Марты вдруг стали большими и круглыми, как иллюминаторы.

— Святая Мадонна! — прохрипела она. — Да вы зеленый!

Отец Бриттер оглянулся, чтобы посмотреть в стеклянную дверь, и сразу понял, что никакой это не сон, что видение действительно было и что его теперешние слова — голос свыше. Он повернулся к бабуся, чтобы сказать что-нибудь напутственное, но той уже не было. Лежала на дорожке ее клюка, а сама бабуся исчезла, будто и не существовала. Отец Бриттер перекрестился и пошел готовиться к проповеди.

Первые любопытные, оповещенные бабусей Мартой, пришли уже через пять минут. А через полчаса древние стены ломились под напором толпы. Такого божий храм не видел за всю свою историю.

В этот день отец Бриттер превзошел и себя самого, и всех других проповедников. Слышавшие его искали сравнений в книжных образах, вспоминая первых протестантов. Даже то, что отец Бриттер был не рыжий, как Лютер, не мешало новому пророку. Многие считали это даже хорошим признаком, ибо рыжие не раз выходили из моды.

На другой день толпа еще прибавилась. В старый храм протянулась молодежь, падкая до новенького. Как осы на варенье, налетели любопытные из обоих городов — Бирштадта и Штадтбира. Нагрянули журналисты.

Но говорить с утра до вечера с пафосом трудно даже кандидату в президенты, не то что святому отцу. И скоро в храме появились неизменные спутники любого современного зазывалы — магнитофоны, динамики, даже телевизионные экраны. Отец Бриттер говорил не новое, но всем понятное — об угрозе атомных кошмаров, о необходимости раз и навсегда покончить с этим. И гром динамиков над старым храмом был для людей как гром небесный после долгого томительного ожидания грозы.

И вдруг все смолкло. Исчезли динамики, исчез и сам отец Бриттер. По законам, существующим в той стране, он был арестован «за гуманистическую пропаганду». И только магнитофонные ленты с речами пророка некоторое время еще ходили на черном рынке вместе с наркотиками и порнографическими открытками.

ВТОРОЙ ПРОРОК

Люди думают, что они могут все: захотел — поел, захотел — проголодался. Какое заблуждение! Даже это простое делается не по желанию. Люди обычно или всегда сыты, или всегда голодны. Первые едят не потому, что хотят. Вторые всегда хотят, но не всегда едят. Что уж говорить о других желаниях. Люди боялись смерти и изобрели атомную бомбу. «С нами бог», — говорили даже те, кто служит дьяволу.

Люди не узнали первого пророка. Что ж, не впервой. Первых никогда не узнают. Потому что их слишком много. Действительно, первыми становятся не единственные, а те, за которыми есть и вторые и сотые.

Вторым был Сегундо. В тот день он вместе со своей болтушкой Барбарой забрался подальше в кусты, в шалашик, где милым всегда был рай.

Вечером, когда солнце катилось к дальним холмам, Сегундо лежал в шалаше, скептически рассматривая силуэты своих стоптанных башмаков. И вдруг там, за своими башмаками, увидел самого себя. Он даже не удивился вначале: ведь нередко бывает, что не только во сне, но и наяву мы видим себя будто со стороны. Одного не понял Сегундо: почему он видит себя не таким, как есть, а совершенно зеленым. «Чего не привидится!» — философски рассудил он, вспомнив о бутылке, которая была уже наполовину пуста. Удивляться он начал потом, когда услышал возглас Барбары:

— Пюпик, какой ты зеленый!

Сегундо видел, как она кинулась к тому типу на шею, но странно проскочила мимо и ткнулась носом в кусты. Тогда он решил, что для полбутылки это слишком, и поднялся.

— А ну катись!

Пришелец стоял неподвижно, словно памятник забытому генералу на городской площади.

— Земля прошла уже четверть орбиты, — сказал он голосом Сегундо. — Вы совсем не беспокоитесь о своей судьбе...

— Чего он мелет? — спросил Сегундо, взглянув на Барбару.

— Теперь я могу назвать срок. Вы, все люди Земли, будете облагодетельствованы или погибнете через пятьсот восемьдесят восемь ваших суток. Я приду и скажу, чтобы вы могли выбирать. А пока готовьтесь...

— Ты еще угрожаешь! Мне?!.

Наклонив голову, Сегундо кинулся на обидчика и... запутался в кустах. И что больше всего потом удивляло, тотчас заснул.

Проснулся он в шалаше, куда затащила его верная Барбара. Волосы на голове Сегундо стали зелеными, как глаза ящерицы коао.

— Что это было? — спросил Сегундо, прикладываясь к холод-

ной бутылке. Голова его трещала, как после двухнедельного карнавала.

— Ты разговаривал не то с ангелом, не то с чертом или с кем-то еще в этом роде.

— Приснилось, наверное? — умоляюще спросил Сегундо.

— А мне тоже приснилось? Видишь это? И посмотри на себя. Сегундо потрогал зеленую прядь на голове Барбары, потом посмотрелся в ее зеркальце и тяжело вздохнул:

— Уж лучше бы ангел.

— А мы так и скажем. Кто его видел, ангела?

— Проболтаешься.

— Я?! — искренне изумилась Барбара.

— А что он молол? С чего это мы загнемся?

— Не одни мы, а все. Будет конец света.

— Ни за что не поверю. Мы еще можем, но чтобы дон Фернандо отдал концы!.. Он построит такое бомбоубежище, что весь пол будет из новых монет, стены из первых красок, а вместо наката положит три ряда лучших докторов. Сам черт до него не доберется, не то что бог.

— Нам от этого не легче.

— Ты-то выкрутишься. Фернандо тебе уже строил глазки.

Сегундо вновь достал бутылку, приложился и облизал толстые края горлышка, напоминавшие губы Барбары.

— Но этот зеленый говорил, что скажет, как спастись.

— Мы и без него знаем, как спастись, да не получается...

Через три дня местная газетенка напечатала заметку: «Как Сегундо с помощью водки Филиппо увидел бога». Парни смеялись, уверяя, что с Барбарой они и без водки увидели бы создателя.

Неожиданно газету поддержал местный кюре. Он авторитетно заявил, что наконец-то господь вспомнил о своих заблудших детях, явил свой лик самому грешному и сотворил чудо, превратив его волосы в такие, каких нет ни у кого из смертных. И снова, как бывало много раз в прошлом, над притихшей паствой прогремело грозное предупреждение близкого конца света.

И потянулись паломники к дырявой хижине Сегундо. Одни, чтобы помолиться, другие поглазеть, третьи, чтобы поинтересоваться, о чем говорят все остальные. Сегундо вовремя сообразил и решил до поры не торговать своими сувенирными волосами. Расторопные люди начали было сколачивать торговую фирму, стремясь монополизировать выгодное дело. Но фирма прогорела в самом начале, ибо Сегундо неожиданно был арестован: полиция усмотрела в лесной встрече связь с партизанами. Второй «зеленый пророк» исчез в тайниках министерства общественного спасения.

На том бы дело и кончилось. Но Барбаре очень не понравился такой оборот. Она не без оснований рассчитывала кое-что иметь от неожиданной святости своего милого. В знак протеста Барбара выкрасилась в зеленый цвет и начала проповедовать вместо Сегундо.

Чудо есть чудо. Нет человека, который не клюнул бы на его изменчивое мерцание. Редакторы это поняли, и скоро портреты Барбары запестрели на газетных страницах. «До конца света —

два года», «Новый Христос на кресте закона!» — кричали заголовки.

Где-то в складках своего платья Барбара отыскала зеленый волос Сегундо и сумела пристроить его: передала крупнейшему химику дону Рикардо Фьерро. Тот произвел анализы и установил, что волос окрашен неизвестным науке способом. Сведения об этом попали в печать, и «зеленая тема», как окрестили ее газетчики, стала самой популярной. Зеленые рекламы замелькали над барами и витринами, зеленые лампочки зажглись на распятиях. Женщины, что в способности подражать уступают только детям и обезьянам, стали массажи перекрашиваться, и серые улыбки начали конкурировать в зелени с городскими бульварами. Калейдоскоп ее величества моды ярко вспыхнул зеленым.

Вспыхнул и погас. Утомленная публика жаждала нового. И лишь где-то в лаборатории дона Рикардо Фьерро кого-то еще продолжала волновать неразрешенная загадка.

Но мало ли загадок замуровано в стенах научных учреждений?!

ТРЕТИЙ ПРОРОК

Неизвестное племя мбулу-нгулу вышло из джунглей и потребовало уничтожения ядерного оружия. Вопрос был не новым, и дипломаты, как обычно, не обратили на него внимания. Шум подняли журналисты. Они поставили вопрос так: откуда мбулунгулянам известны нужды человечества, если человечество ничего не знает о мбулунгулянах? «Тут какой-то секрет», — решили журналисты и помчались на тихий океанский берег, где раскинуло свои хижины таинственное племя.

Король Мбулу-Нгулу, по убеждению его соплеменников, был самым великим человеком на земле. Они ничего не слышали ни о Цезаре, ни о царе Соломоне, ни о фараоне Хеопсе. Но если бы и узнали, то это едва ли поколебало бы их уверенность. Мбулунгуляне могли бы сказать, что их король совсем как Цезарь умеет делать сразу многое: пить веселящую паку, ласкать сорок седьмую свою жену, мечтать о сорок восьмой и одновременно думать о судьбах мира. Он совсем как Соломон, сказали бы подданные короля, только тот был мудр советами своих многочисленных жен, а этот тем, что никогда с ними не советовался. Что касается Хеопса, то тут даже говорить не о чем. Жалкий фараон за всю свою жизнь не додумался переименовать Египет в какую-нибудь Хеопсиду, а Мбулу-Нгулу сделал это со своим народом еще когда был коронованным дитяем. Хеопс строил пирамиду, чтобы поселиться в ней после смерти, Мбулу-Нгулу построил дворец, чтобы жить в нем.

Дворец этот и поныне вызывает трепет и восхищение у всех мбулу-нгуловских архитекторов. Он стоит в непроходимом лесу, опираясь одним углом на могучий баобаб, а другим на широколистый фикус. В нем целых восемь комнат с такими высокими потолками, что до них не мог дотянуться даже начальник личной охраны короля Амбра-Бамбра, самый длинный в племени.

Великий Мбулу-Нгулу лично разработал систему охраны дворца. На замаскированных тропах в страшной тайне было установ-

лено сорок четыре самострела. Правда, от самострелов обычно страдали соплеменники. Но все они, как уверял Амбра-Бамбра, с радостью умирали за своего короля. Самую глазную тропу охраняло новейшее секретное оружие, наводившее ужас на все джунгли. Оно изрыгало огонь и гром и, словно болотным туманом, затягивало лес едким дымом. Оружие это, с таинственным названием «самопал», досталось нынешнему королю в наследство от отца — богоподобного Нгулу-Мбулу.

В этот-то дворец, миновав самострелы, и пришел сам великий Бонда — дух огня и воды, лесов и гор. Под страшным табу король рассказал о видении своей сорок восьмой жене. Именно поэтому миру и стало известно о третьем посещении Земли Зеленым призраком.

Случилось это вскоре после сезона дождей, когда счастливое человечество готовилось в двадцатый раз отпраздновать нача-

ло эпохи Мбулу-Нгулу, в эру его сорок восьмой любимой жены, в период, предшествующий четвертому выходу короля к народу.

Мбулу-Нгулу в полном одиночестве поглощал на верхней площадке дворца свой второй завтрак. Видеть, как он ест, не полагалось никому. Кроме обезьян. Но ведь они не люди, с них не просто потребовать выполнения страшного табу.

Утомленный завтраком, король вздремнул, а когда открыл глаза, то увидел рядом с собой человека.

— Побереги дротики, — сказал человек, видя, что король схватился за оружие. — Я не нарушитель табу, я дух и пришел к тебе, своему брату, по важному делу.

Бонда (это был, несомненно, он, ибо так подумал король) трижды подпрыгнул и стал расти. Руки у него вытянулись, как ветви у баобаба, ноги стали как корни, а с головы свесились зеленые волосы, яркие, как листва джунглей, пронизанная солнцем.

— Ты великий из великих? — спросил он громовым голосом.

— Смеешь сомневаться? — бесстрашно крикнул Мбулу-Нгулу.

— Властелин народа народов? Тот самый, который может обедать по восемь раз в день, чего не в силах никто другой на земле?

— Могу и девять.

— Повелеваю тебе в ближайшее время уничтожить атомное оружие. Если ты этого не сделаешь, то погибнут люди и звери, рыбы и птицы, деревья и даже травы. И жены твои умрут, и солдаты тоже. И некому будет нежить и охранять божественного Мбулу-Нгулу...

И он исчез, будто и не был. Только вихрь прошел по вершинам.

Король поднялся с пола, потер онемевшие колени и, отдышавшись, крикнул жену, чтобы она убрала еду. Сорок восьмая жена, молодая и красивая, вошла, пошевеливая бедрами. Но застряла в дверях, будто ее стукнули по лбу, и вдруг закричала громко и визгливо, как сотня испуганных обезьян. На крик прибежали жены и воины из личной охраны. Они тоже закричали и плюхнулись на животы. И вдруг все пропали, уползли, не поднимаясь и не поворачиваясь. Мбулу-Нгулу подивился таким способностям своих подданных. Он и сам умел когда-то ползать вперед, лежа на животе. Но, чтобы назад, этого он еще не видел.

Потом жены рассказывали, что их испугали его волосы цвета молодых банановых листьев. Но и сам король испугался не меньше, узнав о своем чудесном превращении. После паки он видывал всякое. Но тут пришлось поверить, что его действительно навестил сам великий Бонда. А стало быть, и его требование об уничтожении атомного оружия надо было выполнять.

Через три дня состоялся праздник уничтожения. В полной тишине под сухой стук барабанов воины пронесли сквозь толпу большие носилки, накрытые драгоценным плащом, сшитым из перьев маленьких попугайчиков. Носилки поставили в центре поляны на высокие подмостки, и вокруг них начал прыгать главный колдун племени. Когда он устал и упал на землю,

плащ на носилках откинулся, и из-под него поднялся сам Мбулу-Нгулу. Его желтые руки тянулись к небу, его красное лицо было как восходящее солнце. А волосы, необычные, зеленые волосы, стоявшие дыбом от священного трепета и клейких снадобий, напоминали утренние лучи. Крик восхищения и ужаса пронесся над толпой. И все упали, не смея поднять глаз.

«...О великая магия власти! Она освобождает сердце от страха и вливает в него смелость пантеры. Она делает бесцеремонным каждый жест, наполняет мудростью каждое слово. Недостатки властителя превращает в достоинства, ошибки — в величайшее благо. Ты можешь взять чужую жену, и все будут рады, можешь убить друга, и все сочтут — поделом. Власть заменяет таланты, поднимает до величайших гениев мира. Ни лучшая пака, ни самые способные женщины не могут доставить такого блаженства, как власть. Жаль, что поэты не воспевают ее. Наверно, потому, что никто из них не знает, что это такое. И подлом этим бездельникам, не способным взять за горло даже последнего нищего. Сами они ничего не умеют и другим только мешают...»

Когда мысли Мбулу-Нгулу добрались до этого патетического места, он заговорил гневно, как и подобает богоподобным:

— Ко мне, великому Мбулу-Нгулу, приходил еще более великий Бонда и повелел уничтожить атомное оружие. Выполним его волю.

С этими словами король выхватил из носилок дедовский самопал и швырнул его оземь.

Долго мбулунгуляне топтали и били старое ружье. Старики еще помнили рассказы других, давно умерших, стариков об унижениях, которые пришли в джунгли вместе с такими вот грохочущими трубами, и теперь мстили ружью за свой вековой страх. А когда солнце утонуло в тучах над лесом, они собрали железки и кинули их в самую глубокую пещеру.

На другой день Мбулу-Нгулу покинул дворец и во главе своего племени отправился выполнять спасительную волю Бонды. Выступили в полном соответствии с тактикой и стратегией: в центре на носилках король, окруженный женами и воинами, вокруг все остальные. По пути они хватили и убивали всякого, чье оружие чем-либо отличалось от обычного лука...

* * *

По-видимому, первым до мбулунгулян добрался все-таки репортер. Иначе откуда бы в ноздрях у короля оказалась современная авторучка, а в ушах его сорок девятой жены — превосходные клипсы, сделанные из солнцезащитных очков. Она была большая модница — эта сорок девятая.

Штангель, специальный корреспондент популярной газеты «Без прикрас», увидев столь оригинальные украшения, насторожился и переложил поближе стреляющую авторучку. (Она каким-то образом уцелела после первого знакомства с мбулунгулянами.) Всякие формы приветствий знал Штангель. Дома его приятели обычно шевелили пальцами у виска и говорили нечто среднее между «ха» и «алло». Приходилось ему здоро-

ваться за руку, целоваться, хлопать знакомого пониже спины, прижавшись к нему животом, обнюхиваться, тереться носами, даже, кажется, бодаться. Чего только не повидал он в странствиях по свету. А здесь вместо приветствия его раздели и оставили в чем мать родила. Все племя сбегалось поглазеть на него. Но, странное дело, их интересовало вовсе не то, что обычно бросается в глаза у голого человека, а густая рыжая шевелюра на груди. В горячей научной дискуссии, развернувшейся возле Штангеля, по-видимому, обсуждался один вопрос: не произошел ли человек от обезьяны.

Надо полагать, сторонники обезьяней теории победили, потому что Штангель был признан существом неопасным и ему даже вернули часть одежды.

Потом его принял король. И хотя он ни слова не понял, все же набросал сенсационное интервью. Большой опыт позволял ему расшифровывать любые намеки.

— Откуда вы узнали о существовании атомного оружия? — спрашивал Штангель.

— Воу стре Бонда, — отвечал Мбулу-Нгулу.

И он записывал, что некая банда проникла в джунгли и строит военный объект.

— Примете ли вы бескорыстную помощь ваших друзей?

— Кара Бонда тара бух, — говорил Мбулу-Нгулу.

И опять было все ясно: мирные дикари ждут не дождутся, чтобы их взяли под защиту сильные друзья.

Одно только озадачивало Штангеля: каким образом «зеленая мода», поразившая однажды целый континент, проникла сюда, на неведомый берег? Ведь король был окрашен так, что позавидовали бы самые ревнивые сторонники той моды...

Однажды в хижину Штангеля пришел начальник личной охраны короля всесильный Амбра-Бамбра и привел двух красоток. На мягком ковре из пальмовых листьев они пили экзотическую паку, закусывали языками попугаев. Красотки приносили охапки мягких лепестков и вытворяли такое, за что первые цивилизованные гобсеки отдали бы свои последние кошельки.

Ночью Штангель проснулся оттого, что озябли ноги. Холод был под коленями и поднимался все выше.

— Есть кто-нибудь! — крикнул он.

Пришел Амбра-Бамбра и остановился между пальмами. Светился океан за его спиной, и сияющее по краям облако, словно шапка, сидело на голове Амбры-Бамбры.

— Что, брат, плохо? — спросил он так ясно и чисто, будто век жил в цивилизованной стране. — Ты выпил слишком много паки, настоящей на сонной траве. Когда проснешься, я буду далеко. Вместе со своим племенем, разумеется.

— О черт! — воскликнул Штангель. — И здесь агенты иностранной разведки!

Потрясенный открытием, он впервые в жизни искренне пожалел обреченных туземцев.

Но туземцам новая жизнь не угрожала. Амбре-Бамбре просто надоело работать на других, и он решил позаботиться о себе сам. Этой ночью он отправил Мбулу-Нгулу в далекий путь искать своего Бонду и стал преемником короля. Что ж, его

можно понять: взамен призрачных благ на чужбине он получал сорок девять совершенно реальных молодых и красивых жен, которые к тому же умели работать как сорок девять домработниц...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОРОК

Следует отдать должное долготерпению Зеленого призрака. Другой на его месте давно бы уж плюнул и предоставил людям дожидаться до катастрофы в блаженном сознании незыблемости мира. А он пришел снова. Четвертым избранником оказался человек, которого даже сослуживцы, обычно не терпящие рядом с собой ничего выдающегося, называли «гениальным чудаком». Очень удобную формулу придумали сослуживцы. С одной стороны, признание, с другой — снисходительность, дающая право на бесцеремонность.

И с ним не церемонились. Сотрудники института разных проблем, где работал Грюндик, каждое утро толпой собирались возле его стола с недоразгаданными кроссвордами. Грюндик отвечал на самые заковыристые вопросы и походя выдавал такие идеи, что коллеги, знающие в этом толк, в изумлении кидались к столам записывать темы своих будущих научных работ. Вокруг ходило немало магистров, попавших в этот почетный клан благодаря необычным способностям Грюндика. А сам он оставался простым сотрудником. Ему все казалось, что он не сделал для науки ничего выдающегося и не достоин называться ученым.

Многих это устраивало. Но только не жену. Если уж говорить откровенно, то она и вышла-то за него лишь из-за перспективы стать профессоршей. И теперь ей было стыдно перед подругами за свой просчет.

В тот роковой день Грюндик сидел в кресле-качалке на балконе своего дома и наслаждался. Так он называл минуты свободных раздумий, те самые, во время которых иные люди умирают от скуки. Грюндик думал, уставившись в пустое небо. Покачивались крыши домов, деревья помахивали вершинами, бледное пятно луны колыхалось в синем вечернем небе.

Грюндик думал. Кто знает, о чем? Но несомненно, мир был у него на ладони со всеми конфликтами, конференциями, ракетами, зажигалками, консервами, кроссвордами, зубочистками, с большими открытиями и мелкими капризами, с высоким небом и низкими потолками... Кто знает, может, именно в тот момент спираль его мысли вонзалась в самое заветное слово, на спасительную миссию которого вот уже сколько веков надеется простодушное человечество. Может, уже на другой день все мы были бы облагодетельствованы открытием, которого смутно и безотчетно ждем. Если бы Грюндик не задремал.

Когда он проснулся, то в другой качалке увидел... самого себя. Он не удивился, ибо привык смотреть на себя как бы со стороны. А в следующий миг уже не удивлялся, потому что все понял. Такова уж была у Грюндика способность.

Собственно, каждый из людей немножко гений. Если попытаться записать все зигзаги любой кратковременной мысли с ее сумбурными, наивными, противоречивыми и железнологически-

ми связями, то пришлось бы писать часами. А минутная мысль Грюндика могла составить целую монографию.

Он заметил, что перед ним не зеркальное отражение, ибо бородавка с волосиками — предмет постоянных злых шуток жены — у двойника тоже была на правой щеке. Эта-то бородавка и выдавала пришельца, ибо, подумал Грюндик, если он так педантично копирует образ, то, стало быть, не может отличить главного от второстепенного. Но, с другой стороны, если он умеет так быстро и точно перевоплощаться, то почему бы ему не воспроизводить и мысли, в том числе и эти, о главном и второстепенном?

Грюндик насторожился и стал думать не столь целеустремленно, чтобы не выдать себя. Тут ему бросилось в глаза, что плотно качалки не провалились, как обычно, до самого пола и что Зеленый сидит довольно прямо. И Грюндик понял, что перед ним не фокусник и не шутник, готовый на розыгрыш, а дух, луч, галлюцинация и вообще все, что угодно, но не материальное существо. Это было настолько любопытно, что Грюндик не выдержал и спросил:

— С кем имею честь?

— Дело не в имени, — сказал Зеленый. И эти четыре слова были для Грюндика таким потоком информации, что он молчал целых две секунды. Он заметил, что Зеленый говорит, не открывая рта. Стало быть, он умеет воздействовать непосредственно на слуховые центры мозга. А это уже новое в науке землян. «Землян?» — Грюндик поймал себя на слове и подивился, как это он так сразу сделал вывод о неземном происхождении «призрака»?

Словно подтверждая эту мысль, Зеленый сказал:

— Наконец-то я получаю удовольствие от общения с людьми.

— Не могли бы вы рассеять мои недоумения? — спросил Грюндик, сообразив, что в этой ситуации лучше всего играть в открытую.

— У вас нет недоумений. Вы все понимаете правильно.

— Я понимаю гипотетически. А гипотез у нас и без моих предостаточно.

— К сожалению, я могу сообщить немного. Итак, по порядку...

— Порядок? — вскинулся Грюндик, вспомнив, что жена, мстя мужу за невозможность иметь прислугу, строго-настрого наказала ему навести в доме порядок.

Он схватил помойное ведро и выскочил к мусоропроводу.

— Каждая секунда нашего общения стоит очень дорого, — сказал «призрак», когда Грюндик вернулся.

— Вы говорите, а я тут кое-что поделаю.

И он начал переставлять вещи. Зачем-то вылил воду из вазы с цветами, сдвинул стулья, дважды задев головой люстру, вытащил пылесос, но, испугавшись, что, включив его, ничего не услышит, оставил посреди комнаты.

Но не будем слишком строги к нему. Многие ли осмеливаются не любить своих жен? Что удивительного, если недовольный взгляд жены стал для Грюндика страшнее земле-

трясения. А тут еще этот фантастический пришелец. В такой ситуации не то что мелкий научный клерк, кто угодно поте-ряет голову...

— Мы, цваги, посланцы могущественной цивилизации, при-летели с далекой планеты, чтобы освободить вас от забот. Мы уже теперь можем дать вам то, чего вы сами достигнете лишь через века. Но с нашим приходом на Земле взорвутся все расщепляющиеся материалы. Это может погубить вас. Чтобы спастись, вы должны уничтожить атомные бомбы, рас-творить уран и рассеять его...

— Уран есть и на атомных электростанциях, — решил-ся возразить Грюндик.

— Они вам не понадобятся. Мы освободим вас от энерге-тических забот.

— Но что я могу? Надо обращаться к старшим...

— Старые люди часто озабочены личным бессмертием. Это опасно.

— Я говорю не о старых, о тех, кто в силах решать такие вопросы.

— Нам трудно ориентироваться в ваших взаимоотноше-ниях, — сказал «призрак». — Мы настраивались на наиболее выдающиеся точки, беседовали с самым самоуверенным из людей, который во время сеанса связи оказывался в луче, потом с самым мужественным, самым гордым, наконец, с Вами, самым умным...

Грюндик опустил голову и пожалел, что нет жены, — вот бы она послушала!

— Вам надо на ту сторону планеты, там скорей поймут, — сказал он. И тут же покачал головой. — Хотя нет, надо убе-дить именно этих, за теми дело не станет...

— Сообщите всем. Мы не можем убеждать каждого. Как договоритесь, вызовите нас на связь...

За всю жизнь лишь второй раз горели в мозгу Грюндика такие фейерверки мысли. Впервые это случилось, когда Ди-ночка призналась ему в любви. Она говорила, что влюбилась сразу, как увидела. Он рисовал себе эту картину мгновенной Диночкиной страсти, не подозревая, что она простодушно за-менила словом «увидела» слово «услышала» (о его великих способностях). Она говорила, что жить без него не желает, и он представлял себе ее умирающую в слезах, хотя Диночка все понимала весьма конкретно.

Но если Диночке он мог не поверить, если бы захотел, то теперь он хотел не верить — и не мог. Слишком все было наглядно и убедительно.

«Они, эти неизвестные существа, несомненно, не хотят зла людям. Иначе зачем бы четвертый раз тратили свою неве-домую энергию на то, чтобы предупредить, что с их прихо-дом взорвутся все ядерные боеголовки: в самолетах и под-водных лодках, на кораблях, в ракетах, изготовленных к стар-ту, в подземных хранилищах?..»

Вот о чем думал Грюндик, слушая своего двойника. Было отчего забыть о пылесосе.

«А вдруг они хотят обезоружить нас нашими же рука-ми?» — мелькнула мысль. Он даже растерялся, когда она

мелькнула, так не свойствен был ему скептицизм. И начал было размышлять: откуда он? Поразмышляй Грюндик хоть чуточку, понял бы, что общение с Диночкой для него не проходит бесследно. Но он отбросил эту «неглавную» мысль и повернулся к балконным дверям с готовым вопросом. Но в кресле, где только что сидел его двойник с зеленой шевелюрой, теперь покачивался совсем незнакомый человек с дежурной улыбкой и подвижными руками, в которых он вертел маленький репортерский магнитофон.

— Вы... кто? — изумился Грюндик.

— Петер-Метер к вашим услугам, репортер известной газеты «О'кэй».

— Как вы тут оказались?

— Дверь незаперта, а вы были так заняты.

— И давно... вы тут?..

— Нет, но этого зеленого черта успел разглядеть.

— Значит, все правда?! Вы понимаете?!

— Понимаю. Дело у меня было другое, но это поважней. — Он постучал пальцем по магнитофону. — Поэтому не будем откладывать. Перескажите все, о чем вы тут говорили.

— Может, потом? — заколебался Грюндик, глубоко зевая.

— Я не верю в «потом». Прошу вас.

И он поднял магнитофон и нажал на белый клавиш записи. Начав воодушевленно, Грюндик говорил все тише и, наконец, умолк совсем, уснул. Оставив записку, что еще зайдет, Петер-Метер сунул магнитофон в карман и помчался в редакцию, чтобы успеть со своей сенсацией к вечернему выпуску.

А Грюндик спал, и губы его вздрагивали в мечтательной и загадочной улыбке...

— Эт-то что за фокусы?!

Голос был слишком знакомым, чтобы не проснуться. Диночка пинала стулья и сыпала искры негодования. Грюндик молчал, как всегда. Железная логика его мысли рождала убеждение, что всякая семья держится на чем-то терпении и снисходительности. С давних пор в нем занозой сидела вера, что если все время делать человеку добро, то он рано или поздно подберет...

— Мало, что эта бездарь не может стать магистром, так теперь он еще и перекарасился.

Грюндик бросился к зеркалу, запустил пальцы в свои зеленые волосы и, восторженный, повернулся к жене.

— Знаешь ли ты, что у человечества начинается новая история?

— Начни сперва уборку, — парировала жена.

— Я сейчас разговаривал с человеком... нет, с духом... Одним словом, я обменивался информацией с неземным существом...

— Убери пылесос! — крикнула жена, запнувшись о шланг.

— Представляешь? Они хотят общаться с нами, обещают разрешить все наши земные проблемы, а требуют только одного — уничтожения атомного оружия...

— Слушай, ми-лый, — сказала жена с выражением. — До чего ты мне надоел. Сделай милость, уйди куда-нибудь. Только совсем.

По привычке он кинулся выполнять приказание. «Она меня назвала «милым», — ликовало его любящее сердце. — Наконец-то она становится доброй!»

Но на лестничной клетке, когда защелкнулся замок, до него дошел смысл ее слов. И ему стало очень плохо. И он упал, ударился умной головой о тупой край железобетонной лестницы.

Петер-Метер в тот вечер так и не узнал о печальной судьбе Грюндика. Он сидел в кабаке «Последняя надежда» и вспоминал, как редактор, отобрав магнитофон, грозно кричал на него:

— Что ты принес?! Не морочь мне голову этими цвагами с их дурацкими требованиями. Такое могут хотеть только те, с другой стороны. Мне нужны репортеры, которые знают, что мне нужно. Ясно?...

Петеру все было ясно. Он хлопнул дверью так, что статус-точке-секретарше стало дурно, и напрямик направился в этот кабак.

— Погодите, — говорил он, обращаясь к пепельнице. — Вы еще вспомните Петера-Метера. Не такой дурак Петер-Метер, чтобы отдать самое главное. Самое главное вот оно где (он постучал себя по лбу). Никто не знает, что надо подержать Луну за уши. Альфа, бета, три валета! Попробуй, угадай. Только я могу спасти человечество. Вот они где, эти людишки!

Тут Петер сжал кулак и так треснул по столу, что его мигром вытолкали на улицу.

На улице полыхали рекламы, обещая красивую жизнь. Тусклым фонариком светила загнанная на крышу Луна. По тротуарам бродили грустные женщины, искали опечаленных мужчин.

В эту ночь «спасителя человечества» спасла от простуды маленькая Мелена.

КОМПАНИЯ ПОЛУЗЕЛЕННЫХ

Случилась очень банальная история, хотя от этого она не стала менее грустной. Петера поразили неодносторонние способности маленькой Мелены, ее мягкая умная речь и серые выразительные глаза. Мелену тронуло, что мужчина, и вдруг заметил цвет ее глаз.

Это могло многое значить.

И это многое значило.

Мелена уснула, так и не решив загадки, встревожившей ее. Петер не мог спать. Он лежал на спине, разглядывал молочные полосы рассвета на потолке и размышлял о человеческих странностях. Он чувствовал, как его измученное одиночеством сердце неотвратимо прирастало к ней. Говорят же, что люди — это не цельные существа, а всего лишь половинки, обреченные искать друг друга. Они мечутся, словно частицы в броуновской суетне, сталкиваются, примеряются друг к другу. Но иногда, редко, как крупный выигрыш в лотерее, сталкиваются именно те. По инерции привычек они стремятся оттолкнуться, но у них ничего не получается.

И они замирают удивленные: «Скажи, пожалуйста, оказывается, крупные выигрыши существуют!..»

Вот так и Петер боролся со своим внезапным восторгом.

«Но ты подобрал ее на улице», — твердил ему житейский опыт, разжиревший от предрассудков.

«А она тебя где подобрала?» — возражала его радость.

«Она торговала собой!»

«Господи, а что делаешь ты? Разве торговать совестью менее предосудительно?»

«Но человек не свободен от мнений света!»

В ответ на этот довод внутреннего голоса Петер повернулся на бок и обнял свою обретенную половину. «Что ж, — думал он, засыпая, — мы не так уж и далеки; моя профессия, говорят, не менее древняя. Да мало ли еще таких «древних» профессий! Пусть в меня кинет камень тот, кто ни грана собой не заработал!..»

Солнце, этот вечный спутник всех счастливых историй, уже давно ломилось сквозь плотные гардины, когда новое духовное единство Петер — Мелена изволило проснуться.

— Ай! — сказала Мелена, прикрываясь одеялом. — Отвернись же!

Он рассмеялся. Ему вспомнилась старая как мир история, когда женщина по имени Ева, щеголявшая перед Адамом в чем бог создал, после того как съела яблоко, стала стесняться с мужчин.

Это многое могло значить.

И это многое значило.

Начинался день, чистый, как экран перед киносеансом, начинался новый век, уверенный и смелый.

Полдня они сидели друг против друга, тихо смеялись, пьянея от каждого слова и взгляда. Это был тот случай, когда только мешали счастьем его суррогаты в пучеглазых бутылках и когда для того, чтобы закружилась голова, достаточно было чашки кофе, протянутой на маленькой ладошке.

День казался вечностью, вечность казалась одним днем.

И когда они совсем уверовали, что обрели рай, у дверей послышались бесцеремонный гогот и стук. Петер пошел открывать, сразу поняв, зачем апостолу Петру был нужен большой ключ.

В комнату ввалились двое: разбитной мужчина в моднейшем полупальто и яркая особа с многообещающим взглядом больших глаз на смуглом лице мулатки.

— Петер-Метер? — спросил мужчина. — Трудно же вас найти.

А дальше произошло ни на что не похожее: он и его спутница сдернули шапочки и склонили головы, показав свои затылки.

«Хоть я и в раю, но еще не святой, чтобы мне кланялись», — весело подумал Петер. И тут заметил на затылке у женщины ярко-зеленую прядь.

— Вы поняли? — спросил мужчина и протянул руку. — Штангель, журналист, а это Барбара, вроде моей домохозяйки.

— Петер-Метер. А это Мелена, вроде моей жены.

Штангель взглянул на Мелену с улыбкой и любопытством,

Барбара — с высокомерной брезгливостью. Она презирала «уличных», считая их слишком прямолинейными, как, впрочем, и «порядочных», считая их лицемерками.

— Насколько я знаю, полужеленых на Земле только три человека — вы двое да еще один святой отец, которого Барбара не захотела приглашать в компанию, — сказал Штангель. — Надежда на зеленых не оправдалась, и спасти мир должны полужеленые. Я с трудом нашел Барбару на Всемирном конкурсе обольстительниц. Но и вас найти было не легко. Однако теперь мы вместе и должны объединиться.

Петер пожал плечами. Мелена мило улыбнулась и поглядела на Петера.

— Итак, коллеги, — торжественно продолжал Штангель, — объявляю: Компания полужеленых спасителей человечества создана, сокращенно — Композел. Торжественный момент — семь минут двенадцатого, четвертого июня. Когда-нибудь эти цифры будут золотом выбиты на пьедесталах. Жанна д'Арк, — при этом он указал на Барбару, — и ее рыцари встанут в рост на всех площадях...

— Их руки побелеют от птичьего помета, и бронзовые головы позеленеют от дождя. И тогда они будут удивительно похожи на самих себя, — сказал Петер.

Этот день они просидели допоздна, обдумывая будущее. Беседа текла тихо и плавно, как река по равнине, и Мелене не раз приходилось бегать в соседний магазин за источниками для этой реки. И к ночи раздобревший от приятельских объятий Петер рассказал друзьям секрет «Альфы и Беты», о котором рассказывал ему Грюндик уже после того, как в магнитофоне кончилась пленка.

— Надо подергать Луну за уши: Альфа — левый край видимого диска Луны, Бета — правый. Если направить на них две параболические антенны и на любой ультракороткой волне подавать по три сдвоенных сигнала, то можно достучаться до зеленых и выйти с ними на связь.

— Что же ты молчал! — вскричал Штангель. — Мы потеряли целых полдня.

— У нас все равно нет параболических антенн.

— На этот источник, — он похрустел банкнотами, — любая антенна настроится.

Они устремились к окну, распахнули гардины. На крыше соседнего дома, примостившись между трубами, словно кошка, дремала полная Луна. И вся Компания полужеленых в полном составе замерла завороченная. Барбара жестко вцепилась в Штангеля, Мелена уперлась кулачками, прижатыми к груди, в спину Петера, горячо и щекотно дышала ему в шею. Так они и стояли, с любопытством и тревогой рассматривая Луну, пока светлый диск ее не спрятался за трубу.

— Значит, так, — сказал Штангель. — Вы сидите тут, не отлучаясь. Думаю, что вам это будет нетрудно. А мы отправимся искать антенны.

— Но, может, сначала подумаем, что скажем цвагам?

— Скажем, что люди не такие умники, как они там думают. Скажем: пусть поищут какого-нибудь более действенного сред-

ства для устрашения или все равно для чего. Бог был не дурак, когда являлся на Землю. Он понимал: людям нужно чудо. Вот пусть они и сотворят чудо. Только не слишком непонятное...

* * *

Штангель позвонил на другой день, сказал, что договорился в одной лаборатории, что времени в обрез и что надо торопиться.

В дверях лаборатории, куда Петер и Мелена прибыли с опозданием, их едва не сбила с ног обезумевшая Барбара. Ухватившись за Петера мертвой хваткой, она начала что-то часто и сбивчиво рассказывать. Петер только и разобрал три слова: «зеленоголовой», «полузеленоголовой», «безголовой». Потом она втолкнула его в лабораторию, и Петер увидел такое, от чего впору обезуметь не только впечатлительной Барбаре. У большого мерцающего пульта сидел Штангель, точнее, не он, а лишь его тело. На том месте, где у большинства людей находится голова, у Штангеля был зеленый люминесцирующий

туман. Два проводника с двух сторон втыкались в этот туман и таяли в нем.

— Не так надо было! — крикнул Петер. — Выключите антенны!

Но прежде, чем успели это сделать, из глубины тумана слышался странный чмокающий звук, напоминающий полуобморочный поцелуй, и Петер увидел голову Штангеля в наушниках, сидящую там, где ей и полагается, но только задом наперед.

Штангель с перевернутой головой встал со стула, похлопал себя точно так, как хлопают по животу чревоугодники после мощного обеда, и сказал удовлетворенно:

— Ну вот, теперь всё на месте...

Он не успел продолжить свою оригинальную мысль, ибо голова его снова превратилась в туман. Потом еще раз слышался глубокий поцелуй, и все увидели Штангеля живым и невредимым. Только теперь у него были совершенно зеленые волосы.

— 3-зачем человек-ку 3-затылок? — спросил он, заикаясь. — В д-другой раз п-попрошу у них два лица. Чтобы вперед и н-назад, к-как у Януса...

Он вдруг умолк, словно наскочил на стену, оглядел всех невидящим взглядом и упал в обморок.

«АЛЬФА, БЕТА, ТРИ ВАЛЕТА...»

Компания полужеленых распалась в тот же день. Первой взбунтовалась Барбара. Заявив, что, поскольку Штангель теперь полностью зеленый, да к тому же еще и заикается, она предложила Петеру заключить новый союз, в который входили бы только он и она. Предложение не было принято, и Барбара ушла, вконец обиженная вероломством союзников.

— Вы еще обо мне услышите! — крикнула Барбара перед тем, как хлопнуть дверью. — Я сама займусь этими лунатиками. Они от меня не уйдут, если там есть хоть один мужчина!..

Штангеля после эксперимента словно подменили. Он на все махнул рукой и даже Петеру не стал ничего рассказывать.

— Решишься повторить опыт, сам все узнаешь.

В глубине души Штангель надеялся, что никто не последует его примеру, ибо по себе знал, какая малоприятная перспектива оказаться совсем без головы.

Но он не знал великих возможностей, открывающихся перед людьми, нашедшими свою половину.

Вся предыдущая жизнь теперь казалась Петеру кувырканием клочка газеты на ветру. Он и сам не мог объяснить себе, что с ним такое произошло, но чувствовал: стоит на ногах, как никогда. То ли это была ее способность, то ли его особенность, но он не замечал Мелену, как не замечал самого себя. Она жила не рядом, а словно в нем самом. Странное фантастическое единство, о каких он даже не слышивал.

«Что такое любовь? — рассуждал Петер. — Это когда где-то поблизости бродит равнодушные. Ревность? Когда есть опасность обмана. Все понимается от противоположного. Разве бы мы знали что-нибудь о дне, если бы всегда был день и не суще-

ствовало ночи. Отсутствие противоположности — первый признак смерти... Почему же я люблю Мелену? Ведь она никакая не противоположность, она — это я!..»

Так или иначе рассуждал Петер, но мысли его всегда возвращались к одному и тому же. Поэтому он и не удивился вовсе, когда Мелена однажды сообщила ему, что все сама устроила и что следующей ночью они смогут повторить опыт.

— Где ты взяла денег?

— Их не понадобилось. Я просто рассказала ученым, чего мы хотим. Все наслышаны о Зеленом призраке и сами готовы сунуть головы в наушники.

— Ну нет, — сказал Петер. — Голову я совать не буду...

На подготовку эксперимента понадобилось несколько дней. Много времени ушло на подыскание емкости, о которой также говорил Грюндик. К сожалению, он ничего не сказал о том, какой она должна быть. Ученые посоветовали металлическую. Трудно сказать, чем они руководствовались: своим глубокомыслием или тем, что во дворе с давних времен ржавел старый котел, неизвестно когда и зачем сюда привезенный и изрядно всем надоевший. На всякий случай решили положить внутрь резиновый коврик, а в отверстие вставить стекло для наблюдений.

Петер торопился. Ему казалось, что какая-нибудь непредвиденность сорвет опыт. Вдруг да нагрянет ответственное начальство? Тогда пиши пропало: решат, что надо брать на себя ответственность, и замучают согласованиями. Кто захочет с таким трудом добытое конкретное служебное место поставить на карту в игре за абстрактную судьбу человечества?

— Не беспокойтесь, — успокаивал его белобородый старичок с молодо сияющими очками и девичьей фамилией Вонани. — Если бы ученые не умели рисковать, они до сих пор согласовывали бы колесо и закон Архимеда...

Поздней ночью серый от бессонницы Петер собственноручно закрепил на баке проводники, идущие к антеннам, последний раз взглянул на ущербную Луну и полез в люк. Уже оттуда изнутри он помахал рукой профессору Вонани, сгоравшему от любопытства и жажды самопожертвования, похлопал по щеке Мелену, сказав ей на прощание какую-то пошлость, не то «о'кэй!», не то «ауфвидерзейн!».

— Не волнуйся, — сказала Мелена. — Я буду здесь.

И удивительно: он перестал волноваться. Сел на стул и в ожидании необычного уставился в светлый кружочек иллюминатора. Вдруг ему показалось, что свет в иллюминаторе стал слабеть. Петер вскочил, чтобы взглянуть, не случилось ли чего, но почувствовал, что будто оторвался от пола и летит куда-то. «Невесомость», — подумал он и втянул голову, боясь удариться головой о стенку бака. Но ни обо что не ударился, а все летел и летел в темноте, не зная ни верха, ни низа.

Потом вдруг стало светлеть, и он увидел ночное небо, усыпанное блестками звезд.

— Повернитесь! — услышал свой собственный голос.

Петер оглянулся через плечо и задохнулся от удивления. Перед ним было нагорье с острыми пиками скал, похожее на эстамп. Белые полосы света лежали на камнях. Черные тени

перечеркивали их. А над всем этим висело плоское черное небо, усыпанное неподвижными звездами, как бархатный шлейф театральной королевы. Сияло ослепительное белое солнце. Над близким горизонтом поднимался темный диск, окруженный голубым ореолом.

«Да ведь это я на Луне!» — мысленно воскликнул Петер.

— Совершенно верно, — сказал кто-то рядом.

— Кто вы? — спросил Петер и не услышал своего голоса.

— Мы цваги, — ответили ему. — Вы нас не можете увидеть.

Но это и не нужно. Говорите...

«Хорошенькое дело, — подумал Петер. — Что можно говорить в таких условиях, когда я едва в состоянии спрашивать?»

— Спрашивайте.

И Петер понял, что говорить с цвагами совсем не обязательно: они сами читают мысли.

«Как я тут оказался?» — подумал он.

— Основы беспространственности вам не понягь. Земная цивилизация еще далека от этого.

— Если я на Луне, то как обхожусь без скафандра?

— Вы по-прежнему на Земле. Здесь ваша копия.

«Этого мне только и недоставало», — подумал Петер.

— Вы хотите прервать сеанс? — тотчас откликнулся таинственный голос.

— Нет, нет! — испугался Петер. Он подумал, что эти цваги, должно быть, начисто лишены юмора. И почувствовал себя не пай-мальчиком, глядящим в рот учителю, а забиякой, у которого всегда припасена очередная проделка.

— Вы думаете нелогично, — сказал голос.

Петер растерялся. Тут, оказывается, надо знать, что говорить. Он сосредоточился и спросил:

— Изложите ваши условия?

— Через сорок восемь земных суток мы войдем в атмосферу Земли. В тот миг взорвутся запасы расщепляющихся материалов, независимо от того, где они находятся: в океанских глубинах, под землей или в космосе. Реакция, понять которую вы не в состоянии, неизбежна. Нам это не повредит, но ваша цивилизация будет уничтожена. Мы предлагаем выход: рассыпьте расщепляющиеся материалы. Тогда взрыва не будет, мы высадимся на Земле и дадим вам все, что вы захотите.

— Заманчиво, — сказал Петер. — Но на Земле слишком много было посулов будущего блаженства в обмен на лишения в настоящем.

— У вас нет другого выхода.

— Может, и так, но кто в это поверит?

— Вы должны объяснить.

— Э-э, — сказал Петер. — У нас не слишком верят даже президентским речам....

И вдруг его осенило:

— А вы не могли бы дать какое-нибудь знамение?

— Что это такое?

— Ну чудо. Чтобы удивить всех.

— Разве зеленоволосые не чудо? У вас ни у кого не было зеленых волос.

— Их никто не принимает всерьез.

— Мы можем заставить замолчать все радиостанции вашего мира.

— Это слишком непонятно.

— А разве чудо должно быть понятным?

— В какой-то мере. Чтобы люди ничего не поняли и в то же время, чтобы поняли, что это чудо.

— Вы предлагаете нам опуститься до ваших примитивных понятий?

— Что делать? Иначе мы не найдем общего языка. Ведь вы сами говорите, что нам не понять ваш уровень знаний.

— Опуститься не менее трудно, чем подняться...

Голос осекся. Так бывает, когда выдергиваешь штепсель репродуктора. Петер минуту напрягал слух, потом снова стал оглядываться. Все те же черно-белые скалы лежали перед ним, все то же солнце начищенной бляхой сверкало над головой. По-прежнему стояло над горизонтом неподвижное полукружие голубой земной атмосферы. И была мертвая могильная тишина.

«Красив лунный мир, но уж больно неподвижен, — подумал Петер. — С нашими привычками к земному непостоянству он может быстро наскучить».

— Земная цивилизация недалеко ушла за четыреста лет, — снова услышал Петер. — Тогда мы последний раз посетили Землю. И тоже слышали просьбы о чуде. Мы показывали фейерверки из комет, устраивали гром среди ясного неба. И ничего не помогло. Люди, с которыми мы выходили на связь, все погибли на кострах. Ваши жрецы обвинили их в том, что они с нашей помощью научились быстро передвигаться, понимать чужие языки... Вы сомневаетесь? Посмотрите ваши земные архивы и убедитесь. Это называлось «бороться с дьяволом».

— А, так то была инквизиция, — догадался Петер. — Что вы сравниваете? Тогда все искали веры, а теперь никто ни во что не верит.

— Не вижу разницы. Изменились формы предрассудков, но они не перестали господствовать над вами.

«Может, он и прав, — подумал Петер. — Все дело в масштабе времени. Разве мы замечаем прогресс, скажем, в промежутке между десятилетием и девятилетием годами до нашей эры? Время ускоряет прогресс, и нам кажется, что в двадцатом веке сделано почти все. Но ведь и тысячи лет назад было свое ускорение, и оно лежит фундаментом нынешнего прогресса. Какими же, должно быть, медленными кажутся наши сегодняшние темпы этим существам с иных звезд?»

— Четыреста лет назад мы едва не пренебрегли вашей цивилизацией. Теперь мы хотим поднять ее.

— С помощью ультиматума? А вам что-нибудь известно о самолюбии? Люди иногда калечат друг друга только из-за невежливов ответов. А вдруг они попытаются защищаться?

— Бессмысленно. Даже неразумные звери не сопротивляются, когда мы идем к ним, чтобы выручить из беды.

— Но надо еще представить себе эту беду.

— Что ж, вы ее сейчас увидите, — сказал голос.

И сразу исчез лунный ландшафт, и слабые зеленоватые лучи заструились из далекой точки, образовав странный пульсирующий туннель. Какая-то сила будто подтолкнула Петера, понесла,

как пылинку, по туннелю. Он понял, что падает в пропасть, и закричал беззвучно, как во сне, стараясь проснуться и не в силах сделать этого. Потом послышался грохот. Тяжкий, низкий, долгий, выворачивающий душу ужасом, неотвратимостью страшной беды...

СОН О КАТАСТРОФЕ

Петер проснулся среди ночи с непонятным тревожным чувством. По потолку елозили светлые блики: на улице гулял ветер. Мелены рядом не было.

«Куда она ушла?» — подумал Петер. Зажег свет, закурил и стал ждать. Спать не хотелось. Он протянул руку, взял со стола журнал, купленный накануне вечером, открыл наугад. Сразу увидел крупный заголовок — «Обезумевший мир» — и рисунок на всю полосу: земной шар в коросте атомных взрывов.

«Обывательская фатальность — вот ваш рок, люди, — читал Петер. — Тысячелетия рабства сделали вас пассивными. Когда-то, покрытые шкурами, вы верили в роковую неизбежность громов и молний, лесных пожаров, наводнений. Когда-то, одетые в медные панцири, воинственно гремя оружием, вы ждали вражеских нашествий, измен, эпидемий и молились, не веря в свои силы. А потом? Вооруженные до ушей, сильные, способные мигом укротить обнаглевших и озверевших, вы все же робко ждали будущего, моля лишь об одном: «Пронеси, господи!»

Сидя в уютном зале кино, вы спокойно глядели на бомбардировки, красиво снятые с воздуха, а потом шли в бар, пили пиво и лениво обсуждали ошибки любимых регбистов.

И вот пришло. Уже не лесным пожаром или локальным мором грозит вам судьба — всеобщим уничтожением. Но вы по-прежнему пассивно ждете, лицемерно повторяя в свое утешение: «Авось пронесет».

Не пронесет! Как никогда не пронесило в прошлом.

Вы говорите: килотонна в тысячу раз меньше мегатонны, и утешаете себя этой «малой» величиной. Вы научились для удобства даже сокращенному счету смертей. «Мегатруп», — спокойно говорите вы, забывая, что речь идет о миллионе убитых, сожженных, отравленных. Единица в миллионе — какой пустяк! Но этой единицей может стать каждый из вас.

Рабы случая, трусливые апологеты фатальности, знаете ли вы, что вас ждет?

Смотрите!

Я покажу вам, что значит взрыв одной «средненькой», всего лишь десятимегатонной, ядерной бомбы.

Огненный шар в тысячу раз ярче солнца выжжет глаза всем, оказавшимся на открытой местности на расстоянии 40 миль. Ослепнут пешеходы, машинисты, пилоты. А через секунды тяжелый, как стена, воздух уложит дома, искорежит самолеты и паровозы, словно сухие листья, сдует с дорог автомобили.

И вспыхнет пожар. И поднимется столб огня в милю высотой и двадцать миль диаметром. Словно мыльные пузыри лопнут

и бездымно вспыхнут нефтебаки, взорвутся подземные газохранилища, мгновенно займется все, способное гореть.

Вы, как всегда, лицемерите, утешая себя подлой формулой: «Отсидимся в убежищах».

Напрасно!

Страшный пожар высосет из воздуха весь кислород, и вы задохнетесь в своих норах. И, умирая, будете проклипать свою былую пассивность. Будете жалеть, что прежде, когда ваш голос мог что-то значить, вы сидели у телевизоров, а не шли на митинг протеста, пугались официального шавканья полицейских и заработанную бумажку отдавали бармену, а не в фонд борьбы за уничтожение атомного оружия. Вы не уцелеете в этом пожаре, разве только те из вас, кто заберется в глубокие убежища с автономным запасом кислорода. Но рано или поздно и оттуда придется выбираться в хаос радиоактивных развалин, из которого нет ни выхода, ни выезда.

А потом начнется самое страшное: белый пепел ляжет окрест, и те, кто считал себя спасенным, будут умирать в муках...

Я знаю: вас раздражают эти строки. Вы готовы отбросить их, чтобы снова окунуться в лицемерие газет, внушающих подлую надежду, что это может случиться не с вами и вам удастся только на экране видеть чужие ужасы.

Не удастся!

Потому, что таких бомб хватает на все города, городки и селения мира!..»

Петер поймал себя на том, что и ему хочется отбросить журнал, изорвать, сжечь. Срабатывал дремучий инстинкт самосохранения, принимающий вестник опасности за самую опасность. Понадобилось усилие, чтобы подавить в себе это чувство. Он встал, накинул пиджак и распахнул окно. Сумерки вползали в улицу. Небо очерчивало силуэты крыш. Там, за неровными крышами, светилось бело-желтое зарево, ясное, как заря.

«Солнце всходит на западе?» — подумал он. И похолодел от страшной догадки.

«Какое сегодня число?»

Петер кинулся к календарю, схватил со стола часы. Было три минуты седьмого. Тот самый день и час, о котором предупреждали цваги...

Он сел на кровать, растерянный и апатичный. Потом снова вспомнил о Мелене, кинулся ее искать. Небо над улицей затягивала серая хмарь, и оттуда, с высоты, сыпался мелкий снежок. Он подставил ладонь, поймал несколько снежинок: они не таяли.

Петер пробежал по соседним улицам, недоумевая, вернулся домой, включил радио. Далекие дикторы исступленно обвиняли друг друга. О цвагах никто не вспоминал: обстановка была слишком серьезной, чтобы их деликатные предупреждения принимать всерьез.

Уже через несколько дней город стал напоминать потусторонний мир. Исчез румянец с девичьих щек, серые физиономии замельтешили в витринах магазинов, в зеркалах переполненных ресторанов. Больницы выдерживали настоящие осады. Иногда штурмующие врываются в белые коридоры, устраивали самосуд

над медицинскими сестрами: по древней привычке все искали виноватых.

В моду входили большие береты. Теперь их не снимали даже за столом. На каждом углу можно было увидеть сумасшедших. Они глядели в небо и грозили ему кулаками. Образовывались странные сообщества сумасшедших. Они противопоставляли себя нормальным людям, и порой трудно было понять, кто есть кто.

— Совсем как прежде, — говорил Петер в редкие минуты, когда напитки возвращали ему юмор.

Исчезновение Мелены страшило Петера и в то же время приносило непонятную, смутную надежду, что все это только жуткий сон.

На Петера оглядывались все девушки: почему-то он, единственный в городе, сохранил нормальный цвет лица. Иногда его останавливали на улице грустные бледные женщины и, еще больше бледнея, предлагали себя. Им казалось, что здоровый мужчина может вернуть здоровье.

Никому не хотелось умирать. Но люди умирали от радиации. И наконец, наступил день, когда город затих.

Это очень страшно остаться одному. Как-то утром Петер вышел из дому с намерением никогда не возвращаться. Ветер скрипел распахнутыми дверьми, загонял в щели белую радиоактивную пыль.

Он входил в дома, смотрел фотографии счастливых семейств, бродил вдоль магазинных прилавков, заваленных никому не нужными товарами, с особым злорадством срывал вывески «Посторонним вход запрещен».

В переулке Петер набрел на полицейский участок. За оградкой, положив голову на стол, «спал» дежурный. Петер открыл сейфы, выкинул в окно на ветер розовые папки с секретными списками. В глубине участка в маленькой комнатке нашел пирамиду с автоматическими пистолетами. Поднял один, нажал на спуск и с удовольствием послушал грохот очередей. Он взял с собой автомат, набил карманы заряженными магазинами: не для самозащиты, для того, чтобы убивать тишину, когда она начнет сводить с ума.

Потом он нашел машину с полными баками, сел за руль и помчался по пустому шоссе.

Через полчаса в опавшем по-осеннему мелкоколесье он увидел ряды проволочных заграждений. Проехал в ворота мимо мертвого часового и оказался возле длинных высоких барачков.

Даже теперь в пустоте мира Петер робко оглядывался, когда срывал пломбы, — так крепко засели в нем занозы былых ограничений. В бараках оказались штабеля ящиков с бомбами, снарядами, гранатами. Безукоризненные желтые песчаные дорожки, аккуратно зарешеченные окошечки. И повсюду на равных, промеренных до сантиметра расстояниях каплями крови краснели пузатые огнетушители. Сколько надо было любви и терпения для этой аккуратности?!

Петер нашел кусок бикфордова шнура, растянул его до самого входа, поджег и помчал машину на предельной скорости. Он уже был на пустой окраине другого незнакомого города, когда позади раскололось небо. Черный дым взрыва гигантским зверем поднимался над дальними лесами.

«Вот как красиво взрывать, — думал Петер, проезжая по пустым улицам. — Люди всегда предпочитали фейерверки медленному огню. Тщеславные люди! У пусковых кнопок они казались себе богами. «Кнопочники» были кумирами, на них молились газеты, их имена баякали радиоволны. Но от кумиров ничего не зависело. Они были такими же рабами общественных предрассудков, как и все другие. Когда понадобилось отбросить предрассудки и смело шагнуть навстречу неизвестному, чтобы понять его, они оказались бессильными. Ни «великие», ни «малые» не смогли преодолеть собственного тщеславия. «Мы умные, нам ли слушать глупых», — говорили и те и другие. И не хотели слушать друг друга. Пока не пришло время, когда уже некому стало ни говорить, ни слушать...»

Машина забуксовала, и это заставило Петера опомниться. Впереди, заслоняя улицу от стены до стены, шевелилась темная масса. Он понял опасность, когда масса поползла на капот, превратившись в мириады обыкновенных черных тараканов. Похоже было, что в условиях убийственной радиации они фантастически размножались.

«Уцелеть, чтобы быть съеденным тараканами?» — от этой мысли похолодели ноги. Петер включил задний ход, и машина, визжа колесами на тараканьей жиже, медленно поползла по улице...

Несколько дней он гнал машину, сам не зная куда. Магистрали с односторонним движением сменялись гравийными проселками. Временами он подъезжал к центрам недавних взрывов. О них предупреждали свалки автомобилей вдоль чистых, словно подметенных, шоссе. Иногда издали Петер видел завалы бывших городов. Он далеко объезжал их, зная, что через эти гигантские многокилометровые «каменоломни» немыслимо ни пройти, ни проехать.

Как-то он остановился на ночь в пустой придорожной гостинице. В ней выглядело все так, будто хозяева и жильцы только вчера покинули дом. Стойка в баре ломилась от бутылок, кровати в номерах были аккуратно застелены чистым бельем. С тяжелой головой от вин и новой тоски Петер повалился на постель и уснул глубоко и бездумно.

Утром, едва открыв глаза, он увидел возле себя двух серых людей. Протянул руку за оружием — его на месте не оказалось.

— Одевайтесь! — сухо сказали ему. И только тут Петер заметил в руках у них наручники, а на головах форменные фуражки.

— Я так и знал, — сказал Петер. — Кто кто, а полиция уцелеет.

— Одевайтесь, — повторил человек в фуражке.

— Разве еще существуют законы?

— Это нас не касается.

— Я арестован за бесплатное оскорбление чужого ложа? Но у меня есть индальгенция.

Он выложил из кармана горсть золотых колец, взятых в пустом ювелирном магазине.

— Одевайтесь.

— Нет, мир все-таки перевернулся, раз полиция перестала интересоваться золотом.

Ему хотелось шутить. Несмотря ни на что, он был рад живым людям.

Петера привезли в роскошный старинный особняк. Несколько прехорошеньких, только слишком бледных горничных ухаживали за ним, стараясь угодить ему во всем. Целый консилиум врачей следил за здоровьем, ежедневно выстукивая его и унося многочисленные анализы с такими улыбками, словно это были крупные чаевые.

«Мир явно изменился, — думал Петер. — За арестантами теперь ухаживают как за президентами...»

Однажды бледнолицые доктора с особой торжественностью расселись вокруг него и объявили, что Петер феномен.

— Приятно слышать, — сказал он, не предвидя от комплиментов ничего хорошего.

Из толпы белых халатов поднялся человек, самый маленький, бледный и лысый, и произнес вдохновенную речь. Он говорил о том, что рад добровольному участию Петера-Метера в великой исторической миссии спасения человечества, что отныне долг каждого отдавать всего себя, вплоть до спинного мозга, на оздоровление людей, что человечество не забудет своих спасителей и поставит им золотые памятники на всех площадях, что наука требует жертв, и в том числе от тех, кто далек от науки...

«Нет, ничего не изменилось, — подумал Петер, содрогаясь от старичковой проповеди, — по-прежнему одни делают ошибки, другие за них расплачиваются...»

Чем дольше говорил старик, тем холоднее становилось Петеру. Он понял, что ему уготована роль подопытной свинки для спасения новых властвующих персон, умирающих от страха и белокровия. Петер уже не сомневался, что сообщество, в которое он попал, основано на лицемерии, жестокости и тирании. Иначе не могло быть в условиях массовых смертей и невообразимых лишений. Человечество начинало сначала. Оно не могло обойти закономерностей исторических дорог: власть грубой силы, восстания, мистическую демагогию, презрение к инакомыслящим, всплески глупости и гениальности, страх успокоившихся привычек перед неудержимым натиском разума...

Человечество начинало сначала. И мог ли он, человек, не протянуть руку своим братьям?

Врет этот лысый. Не будет никакой золотой памяти. Монументы снова будут восхвалять королей и президентов. Так уж устроены люди, что маленькая сегодняшняя услуга кажется им значительнее вчерашнего спасения...

Петер закрыл глаза и вдруг потерял монотонный голосок старика и снова почувствовал, что летит в странной невесомости в какую-то бездну, куда тянутся, сходясь в точку, зеленые нити света.

И снова он увидел лунный пейзаж, сияющий диск Солнца в черной пустоте и голубой ореол вокруг восходящей Земли.

— Вот что вас ждет, — услышал Петер металлический голос и обрадовался ему. Стало хорошо, как бывает после кошмаров, из которых единственный выход — проснуться.

— Что это было? Сон?

— Вроде этого.

— Я чуть с ума не сошел.

— Вполне возможно, если учесть вашу неподготовленность. Это недавнее наше изобретение. Полная иллюзия реальности, плод логики и знаний. С помощью таких снов нам удастся предвидеть будущее.

Петер уловил в голосе нотку гордости. «Эти цваги тоже не прочь похвастать», — подумал он, несколько удивленный новой интонацией. Ему понравился этот оттенок чувства. Ведь откровенничают, только когда доверяют.

— Люди тоже умеют предвидеть будущее, обдумывая возможные ситуации.

— Ваши предвидения субъективны. Самим вам не скоро удастся преодолеть этот барьер.

— А с вашей помощью?

— Ваши мечты осуществить просто. Они примитивны.

— Хотел бы я знать, как это вам удастся?

— Пожалуйста. Сейчас вы узнаете и это тоже, — услышал Петер. И снова почувствовал, что падает в невесомость зеленых лучей, сходящихся в бесконечности.

«Черт бы их побрал! — подумал он гаснущим сознанием. — Он меня замучают снами...»

Он не мог проснуться, как бывало дома, не мог ни просить, ни кричать. Надвигался новый сон, реальный, как сама жизнь, страшный неизвестностью. Его нельзя было предотвратить. Он был неизбежен, как завтрашний день...

ОБЕЩАННЫЙ РАЙ

Петер проснулся от странной радости в сердце. Он сел на кровати, прислушался. Тишина была не мертвой, как всегда, а словно бы звенела неведомой умиротворяющей мелодией. С новой для себя нежностью Петер коснулся плеча Мелены. Она потянулась и открыла глаза.

— Что это?

— Ты тоже слышишь?

Он оделся и вышел на улицу, Видные издали большие часы на городской башне показывали начало седьмого. В глубине длинной улицы занималась заря. Словно огоньки большого пульта электронной машины, вспыхивали окна домов. Люди толпились у подъездов, счастливо улыбались, сами не зная чему. Какой-то человек судорожно чихал, опираясь на стекло шикарной магазинной витрины. По-ночному закутанный старичок, должно быть сторож, совал ему в нос какие-то пузырьки и чуть не плакал оттого, что они не помогали.

— Не простудитесь, утро холодное, — услышал Петер и не узнал старуху соседку, еще вчера изводившую его беспричинной руганью.

Петер прошелся до угла по влажному от росы тротуару. За это время ему восемь раз предложили закурить, одиннадцать раз справились о здоровье, двадцать девять раз сказали «доброе утро».

Он возвращался домой в полной уверенности, что в мире случилось что-то очень важное и что отныне жизнь пойдет совсем иначе. В подъезде вынул из ящика вчерашнюю газету и сразу все понял: шапка на первой полосе сообщала, что последний теплоход возвратился в порт из последнего рейса в центральную часть океана. Последние десять тысяч тонн урановых растворов рассеяны на пятикилометровых глубинах. Газета давала интервью с учеными, политическими деятелями, бизнесменами, домохозяйками. «Мы выполнили условия, — писала газета. — Очередь за цвагами...»

«Ну что ж, — подумал Петер, тщетно стараясь побороть свой беспричинный восторг. — Утешать цваги умеют. Посмотрим, как они справятся с мириадами человеческими проблемами: общественных и частных, крупных и мелких, тех, что были и что появятся потом...»

Мелена уже приготовила кофе и ждала Петера с мягкой мечтательной улыбкой.

«Все будет хорошо, — подумал Петер, целуя Мелену. — Люди не захотят расстаться с обретенной радостью.»

Они распахнули окна в прохладу улицы и пили кофе, не зажигая света. Стекла в домах напротив разгорались отраженным золотом восхода. Снизу, с улицы, доносился гул голосов, какой бывает по большим праздникам.

Из долгого странного шока неги и доброты их вывел резкий стук в дверь. И еще до того, как они успели ответить, на пороге появился Штангель.

— Поздравляю! — крикнул он. — Ты назначен редактором!

— Час от часу не легче, — сказал Петер, не слишком, впрочем, удивляясь. В это чудесное утро должно же было случиться какое-то чудо.

— Я так много рассказывал о тебе, что там, наверху, не выдержали.

— Благодарю. Хочешь кофе?

— Какой кофе! — взревел Штангель. — Ты знаешь, что творится за городом?

— А что творится за городом?

— Я не ошибся, — рассмеялся Штангель. — Ты еще не в кресле, а уже с руководящими интонациями.

— Подумаешь! Руководящих интонаций всегда было больше, чем кресел... Так что там за городом?

— Не знаю.

— Чего ж ты так возбужден?

— Именно потому, что не знаю. И никто не знает. Рассказывают, будто на окрестные холмы лег зеленый туман. И в нем что-то сверкает. И все это в полной тишине.

Они помчались на машине Штангеля, непрерывно сигналив пешеходам. Толпа текла в том же направлении, густая, торопливая, радостно возбужденная. Еще издали в просвете улиц увидели что-то сверкающее в косых лучах восходящего солнца. Зеленый туман опадал, как полотнище с высокого пьедестала, открывая сказочный город. Он был весь белый и сверкал, как единый кристалл. Широкие провалы улиц пересекали его во всех направлениях. Вспыхивали на солнце бесчисленные окна. Башни и купола непонятого назначения тянулись к утреннему

небу. Многотысячная толпа восторженно гудела вокруг, как орда, жаждущая штурма.

— Внимание, внимание! — услышал Петер и повернулся к Штангелю.

— Это ты?

Мелена засмеялась.

— Как он мог говорить женским голосом?

— Я слышал мужской.

— Да, да, и я тоже, — подтвердил полненский мужчина, стоявший рядом.

— Ах, ты вечно споришь! — Спутница полного мужчины закатила глаза. — Я ясно слышала женщину.

— Внимание, внимание! — снова повторил голос.

— Что я говорила! — сказала женщина.

— Что я говорил! — сказал мужчина.

Женщина глотнула воздуха для длинной и страстной тирады, но лишь пошевелила губами, потому что женско-мужской голос сказал такое, от чего впору перестать спорить не то что мужу и жене, а даже и политическим деятелям.

— Перед вами город, первый подарок цвагов. Идите и живите в нем как вам хочется...

И тут толпа словно опомнилась, кинулась через пустырь к сверкающим стенам. Мчались разбитные парни, таща за руки стократно перекрашенных девчонок. Пыхтя, как локомотивы, бежали степенные отцы семейств, обвешанные детишками, с женами на прицепе. Семенили тихие старушки, активно работая локтями. А таинственный голос, не отставая, все гремел в ушах торжественно и спокойно:

— ...Никакого чуда в этом нет. Мы заложили ваши запрограммированные мечты в основу кристаллической решетки, и кристаллы-дома выросли точно такими, какими вы их хотите видеть. Материалом для них послужили камни холмов...

— О боже! — воскликнул кто-то в толпе бегущих. — У меня ж там зарыто...

Что зарывал в холмах несчастный скупец, Петер не расслышал: толпа увлекла его в сверкающее ущелье первой улицы. Он крепко держал Мелену за руку, опасаясь, что в этой стадной истерии никто не заметит оступившегося, упавшего человека.

Но цваги, видно, неплохо знали свое дело. Как потом Петер писал в газете, «заселение новых квартир прошло организованно». Было лишь два несчастных случая: умер от разрыва сердца тот самый человек, чье золотишко, спрятанное в холмах, пошло на постройку домов, да еще поссорились муж с женой, потому что он хотел взять квартиру окнами на запад, а она — на восток.

Сотрудники местной газеты не удивились неожиданной трансформации, случившейся в редакторском кабинете. Куда делся старый редактор и откуда взялся новый, никто этим не интересовался. Они давно усвоили: это не их ума дело. И оставались невозмутимыми, если, придя в редакцию, слышали вдруг за пластиковой дверью незнакомый голос.

Петер оказался исключением: он любил работать сам. Полдня метался по городу, наблюдая за толпами, ошалевшими от

свалившегося на них счастья. Другие полдня уходили на чтение материалов, каждый из которых в былое время явился бы сенсацией.

Счастье, принесенное цвагами, было слишком окончательным. Люди стали превращаться в собственную противоположность. Вчерашние скряги переродились в первейших транжир, эгоисты — в добряков. Бандиты и поджигатели вдруг воспылали желанием изучать пожарное дело, а полицейские приобрели страсть залезать в чужие карманы. Но это им было совсем ни к чему, потому что последний бедняк превратился в богача, готового и так отдать свои драгоценности. А поскольку бедняков прежде было большинство, то полиция просто растерялась, не зная, кого теперь хватать. Да и зачем было хватать? Чтобы привести в участок, напоить чаем, вручить сувенирный блокнот с авторучкой и отпустить с миром? «Одна срамота!» — так говорил Петеру бывший торговец папиросами, который прежде больше всего боялся воров, если не считать полицейских.

Вначале Петер думал, что цваги не так уж и хитроумны и просто перевернули мир. И поскольку прежде на Земле всегда было больше зла, чем добра, то теперь стало как раз наоборот. Однако вскоре он убедился, что цваги дальновиднее. После знаменательного Дня пришествия то там, то тут начали вспыхивать странные эпидемии: отдельных людей и даже целые группы без всякой видимой причины вдруг охватывало неудержимое желание чихать. Это случалось где угодно: на улице, в трамвае, на пляже, реже дома и чаще в гостях. Не помогали ни патентованные пилюли, ни иглоукальвание.

Ответ на загадку нашел пронирливый Штангель. Откуда-то он узнал, что чаще всего чихают в военных ведомствах. Стоило только штабу собраться, разложить на столах карты соседнего государства и начать обсуждение очередного плана «обороны», как штабистов охватывал неудержимый чих. От натуги рвались кожаные портупеи, багровели лица, как на парадах, а на праздничные мундиры, стыдно сказать, падали непристойные брызги.

Штангель написал фельетон, в котором высказал невероятную гипотезу, что цваги каким-то образом связали в человеческих мозгах центры чихания с центрами недоброжелательства. Стоило убийце или бандиту задумать очередной план, как они попадали в самый центр эпидемии.

Наверное, еще никогда ни один газетчик так точно не угадывал истину. Фельетон, опубликованный в газете, привел к неожиданным последствиям: на другой день чихало полгорода. Ведь это же очень трудно удержаться и не думать «о белой обезьяне», когда надо о ней не думать. Газету перестали покупать. Но Петер не унывал, он понимал: лучшая реклама, когда читатели знают, почему не читают. И не ошибся. Скоро его газета в глазах читателей стала самой авторитетной.

Петер все больше убеждался, что если бы репортерам ставили памятники, то Штангель был бы первой кандидатурой. Он улавливал тенденции нового общественного мнения не менее безошибочно и быстро, чем «свободное мнение» быллой конъюнктуры. Это он пустил в обиход шумный лозунг «Даешь рекорды!».

Гениальное, как известно, всегда просто. Человечество, осво-

божденное от материальных забот и погони за свободным временем, должно было что-то для себя придумать. И оно придумало. Пышными букетами стали расцветать скрытые таланты людей. Нередко случалось, что какой-нибудь министр забывал о своем высоком долге и принимался раскрашивать картинки в книжках, да так искусно, что ахали бывалые ретушеры. Выяснилось, что раскрашивание-то и есть самый главный его талант, долгие годы мучивший министра тоской по детским радостям. Находились ученые и писатели, которые, наплевав на свои пробы и рукописи, уходили на тихие берега и там с увлечением плевали на червяков, полностью отдаваясь своей единственной и главной страсти — рыбной ловле.

Но большинство за долгие годы самообмана растеряло свои призвания и теперь искало способы убить время. Люди принялись искать себя в различных видах творчества. Некий мистер решил на вдоль и поперек изъезженном Ла-Манше поставить новый рекорд. Это было непросто, ибо Ла-Манш уже переплывали по-всякому: и в лодке, и в ванне, и даже в гробу. Но мистер не растерялся перед этим обилием рекордов, он придумал то, чего еще никто не делал, — переплыл пролив задом наперед.

Штангель первым пронюхал об этом, и с его легкой руки началась эра рекордов, открывшая величайшие потенциальные способности человеческого рода. Цваги получили полную возможность убедиться, что и люди «не лыком шиты». Один побился об заклад, что, не вставая, проползет по-пластунски 25 километров, и выиграл пари. Другой 850 часов подряд играл на рояле. Женщины ставили рекорды по плачу и болтовне. Некая Эдит Уиллер, стоя на пьедестале, заливалась слезами почти три часа подряд, а Зела Хингли доказала, что человек в состоянии ругаться со скоростью 300 слов в минуту. Как и следовало ожидать, женщины почти во всем оказались слабее мужчин. Олтон Клепп болтала на соревнованиях 97 часов кряду. Но ее оставил позади некий Шихин. Его время 133 часа. Одна леди заявила о своем рекорде по разводам: она имела 16 законных мужей. Но над ней только посмеялись, когда пришло сообщение от доверенных лиц Мохаммеда Ахмеда Иссы. Они представили документы на 60 разводов. Говорили, что знатная леди едва не умерла от злости и поклялась побить рекорд.

Самыми популярными оказались так называемые «желудочные рекорды». Карол Герри меньше чем за два часа умудрился съесть 10 метров колбасы. Уолтеру Пинчелу понадобилось всего полминуты, чтобы сжевать огромную луковицу. Сотни претендентов на первенство в этом виде спорта отделались слезами и изжогой.

Жажда первенства охватила мир. Многочисленные соревнования показали, что даже цваги не смогли изменить традиционных увлечений людей. Сыпались каскады рекордов по выжиманию гирь, по свисту, по танцам. Некий Вальнер, несмотря на преклонный возраст, протанцевал тысячу километров. У него хватало сил подойти к финишу быстрым фокстротом. Карлос Гимнес установил «рекорд мертвеца» — повесился и провисел в петле целых пятнадцать минут. «Рекорд утопленника» побил

человек, пробывший под водой целый час. К сожалению, родственники рекордсмена не пожелали назвать его имя.

Сказывались и профессиональные навыки. Бывший общественный деятель за один только день пожал свыше девяти тысяч рук. Бывший дипломат протанцевал на проволоке 175 часов. Неизвестным остался рекорд бывшего помощника президента. Он забрался в бочку, установленную на 16-метровом шесте, и заявил, что пересидит там всех: и бывших, и настоящих, и будущих претендентов. Ему бросил вызов Альфред Хэли, в свое время просидевший в тюрьмах 29 лет. Но публика по привычке больше верит бывшему помощнику президента, чем бывшему уголовнику.

Непобитым остался также рекорд Финиса Кастадимаса. Переодетый в тигровую шкуру, он пробыл в клетке с тиграми три с половиной минуты. Никому не удавалось увеличить этот срок, потому что цваги по недосмотру не наделили тигров способностью чихать...

Но даже в раю всему приходит конец. О его приближении пронюхал все тот же пронцательный Штангель. Он раньше других понял, что эра рекордов подходит к концу: людям стали надоедать глупости, и они затосковали по былой деловитости.

Для прессы наступила новая эпоха: репортеры бросились искать в людях человеческие черты. Как и прежде, на первых полосах газет стали появляться фотографии знатных невест, улыбающихся боксеров, задумчивых бывших королей. Однако в новом перевернутом мире знатность оказалась понятием растяжимым. Прежде знатность переплеталась со знаменитостью, а знаменитость с богатством и популярностью. Это были гангстеры, совершившие какой-либо особый грабёж; бедные девочки, сумевшие соблазнить осторожных богачей; дельцы, сделавшие что-то из ничего. Теперь деньги никого не интересовали. Злоумышленники исчезли за стенами «чихоточных» клиник, а бывшие миллионеры вместе с толпами простых девчонок тщетно добивались автографов своих кинокумиров.

И Штангель сделал ставку на единственное, сохранившееся без изменений — на человеческое тщеславие. Он разыскивал завистливых актеров; мужей, брошенных женами и потому особенно ревнивых; бывших генералов, живущих отшельниками, чтобы не нервничать при виде нижних чинов, не желавших отдавать честь. А однажды Штангель разузнал о человеке, которого вездесущие цваги, как видно, просто обошли. Этот человек занимался тем, что коллекционировал золото. Он набивал мешки монетами, слитками, водопроводными кранами, которые с приходом цвагов стали золотыми.

Но проинтервьюировать нового «скупого рыцаря» не удалось. Единственная дельная мысль, которую Штангелю удалось вытянуть из соседей, сводилась к тому, что будто бы когда-то скупец сказал, что цваги приходят и уходят, а золото остается.

Чтобы выманить «паучка» из норы, была предпринята операция под кодовым названием «Самосвал». Целую неделю сотрудники газеты носили в редакцию тяжелые свертки с золотом, которого с приходом цвагов на всех свалках было предостаточно. Когда свертков накопилось много, их свалили

в кузов самосвала и повезли к дому «скупца». Вся редакция пошла поглядеть на представление. Самосвал шумно подъехал к дверям и с грохотом высыпал целую гору золота. Тут было все: слитки, бунты проволоки, подсвечники, даже, почему-то тоже ставшие золотыми, оконные шпингалеты. Было все, кроме женских украшений. Их в городе по-прежнему не хватало. Как видно, цвагам было не под силу справиться со страстью женщин к безделушкам.

Самосвал уехал, и тишина повисла над старой улицей. Такая тишь падает на землю, когда грозовая туча готовится перейти от громовых угроз к действию ветром, дождем, градом...

В этой тишине все услышали, как скрипнула дверь. Выглянувший человек был невысок и узкогруд и вполне соответствовал представлениям Петера, сложившимся под влиянием некогда прочитанных книг. «Естественно, — подумал Петер, — человек всегда стремится к самоутверждению. Никто не согласен считать себя последним, каждый желает хоть в маленьком, но все же быть единственным, непохожим на других. Ибо человеку надо чем-то оправдывать свое существование. Не ценности сами по себе делают человека злым, а злые люди особенно крепко хватаются за соломинку искусственных ценностей. Не деньги порождают зло, а злое и недостойное упорно стремится превратить деньги в единственное мерило всего, и в том числе самого Добра. Так Добро, оцениваемое деньгами, приобретает Зло в качестве судьи...»

Пока Петер так рассуждал, человечек выволок мешок и стал набивать его даровым золотишком.

— Эй, приятель, не надорвись! — крикнули ему.

Человечек присел от неожиданности, потом резко кинул мешок на спину, шагнул к двери. Но тотчас будто переломился, уронил мешок, схватился за поясицу и упал на тротуар. Гримаза жестокой боли вывернула его лицо. И в эту чужую боль со всех сторон покатился веселый хохот, понесся по бульвару, словно обезумевшая лошадь, впряженная в пустую подводу.

Оказывается, это может быть смешным, когда в руку нищему кладут камень, когда человеку, умирающему от жажды, дают ложку уксуса, оказывается, это весело подталкивать падающего...

Впервые за дни всеобщего счастья Петеру стало нехорошо. «Не предстоит ли Штангелю открыть новую эпоху? — подумал он. — Не начнут ли обалдевшие от достатка и безделья люди гасить равнодушие и апатию созерцанием страданий ближнего?..»

И полезло в душу совсем уж несусветное для этого мира, где «я» и «мое» всегда было на первом плане. «Могут ли принести счастье человеку блага, не заработанные своим трудом?» — думал Петер и удивлялся своим думам. Ведь такое могли сказать только те, кто живет на той стороне планеты!

Его душу неостановимой волной начала заливать смутная тревога, предчувствие какой-то неизвестной опасности...

И в этот момент небо над улицей погасло, словно кто-то внезапно выключил солнце, и в крошечной тьме с далеким разбойничьим свистом заструились к неведомому центру тонкие зеленые лучи...

СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Снова перед ним расстился лунный пейзаж, похожий на гигантскую, резко контрастную фотографию. И Земля ничуть не сдвинулась с места, и солнечный диск все так же сверкал в вышине, будто был лишь деталью неподвижной декорации, нарисованной раз и навсегда на все спектакли.

«Опять сон?» — устало подумал Петер.

— Вы недовольны? — услышал он знакомый металлический голос.

— Радоваться нечему. Кроме того, пора бы уж и домой. На Земле меня, наверное, похоронили.

— На Земле вас ждут. Связь продолжается семнадцать земных минут.

— За семнадцать минут побывать и в аду и в раю?..

— В своих снах вы успеваете не меньше.

— Сны произвольны.

— И эти произвольны. Мы лишь помогаем логике вашей фантазии.

— Но зачем?

— Чтобы вы яснее представили себе перспективы и рассказали о них людям.

«Каким образом?» — усмехнулся Петер. Он хотел сказать своему таинственному собеседнику, что от тех, кого он знает, ничего не зависит, а кто кое-что может, того непросто увидеть. Но голос опередил:

— Вы сможете увидеть всех, кого захотите. Для этого там, на Земле, проглотите шарик, закройте глаза и положите руки на живот...

— Какой шарик? — спросил Петер.

Но ответа не последовало. Голубой ореол вокруг Земли начал гаснуть, исчезли густые тени лунного ландшафта, а сияющий диск Солнца стал падать и превратился в освещенный снаружи светлый люк иллюминатора.

Петер услышал голоса снаружи бака, встал со стула, шагнул к иллюминатору. И тут почувствовал в руке что-то холодное и круглое, напоминающее голубиное яйцо, только со свинцовой тяжестью.

«Проглотите шарик», — вспомнил он последнее напутствие цвагов, сунул его в рот, погладил языком странно податливую скорлупу и, борясь с желанием куснуть, проглотил. Мелодичный звон поплыл издалека. Так звенит в ушах полная тишина, когда тщето напрягаешь слух. Звон приближался, звучал свирелью, скрипкой, флейтой, контрабасом, наконец, ударил громом и оборвался. И снова Петер услышал голоса снаружи бака. В распахнутом иллюминаторе виднелось лицо Мелены в потеках слез и круглые от любопытства глаза Вонани.

Петер высунул голову в люк и стал вылезать. Был момент, когда он, лежа на краю люка, вдруг почувствовал, что смертельно устал, и закрыл глаза, представив себе маленькую комнату Мелены, где так хорошо отдыхалось от всех сует...

Когда открыл глаза, то увидел, что лежит на кровати в комнате, о которой только что подумал. Минуту он глядел по сторонам, не веря видению. Потом встал, прошел к окну, потрогал тяжелую гардину.

«С ума можно сойти от всех этих превращений!» — подумал он. И вдруг вспомнил голос в тишине лунного мира: «Вы можете увидеть всех, кого захотите».

И внезапная радость охватила его. Стало быть, яичко-то не простое! Оно делает мечту реальностью!

Петер закрыл глаза и снова представил себе сумрачную ла-

бораторию с большим старым баком посередине. И тотчас услышал голос Мелены:

— Хватит... не пущу... не могу больше! Тебя не было целую вечность и опять ты как умер!..

Она вцепилась в него, повисла, обхватив плечи и руки.

Подошел белобородый Вонани, сверкнул какими-то бездонными, почти безумными глазами.

— Опыт продолжался восемнадцать минут, — сказал он.

— Семнадцать, — поправил Петер.

— Мы надеемся услышать подробный отчет.

— Непременно...

Они вышли с Меленой в тихую ночь. Шептались липы над улицей. Луна бросала мягкие тени. Где-то далеко с завыванием брехала собака. Земля катилась своей вечной дорогой, и жизнь шла своим чередом. И никто не знал, что очень скоро взорвется эта монотонность жизни, и сенсации, каких не было с сотворения, завалят планету развалинами или вознесутся башнями невиданных городов. Никто еще не подозревал, что тихой жизни приходит конец.

...Помните ли вы, читатель, свой первый барабан? Мама просила: «Перестань барабанить, дай отдохнуть». А вы все не могли, в сотый раз пробовали, как он звучит...

Вот и Петер, оказавшись дома, тотчас лег на кровать, зажмурился и нажал себе на живот, как на пусковой клавиш. И очутился на городской площади. Часы на башне показывали семь двадцать девять. Полицейский, как всегда, ходил вокруг большой клумбы левкоев, помахивая дубинкой.

— Эй ты, — крикнул Петер, — сорви цветочек!

Полицейский наклонил голову, как бык перед атакой.

— А то я сам сорву!

И он пошел по цветам на середину клумбы. Трели свистков тотчас собрали толпу любопытных. Люди хохотали, любуясь, как полицейский бегал по цветам за странным зеленым парнем, вытапывая запретную клумбу.

Петеру это скоро надоело. Он закрыл и вновь открыл глаза, увидел знакомую люстру, шторы, встревоженное лицо Мелены.

— Что с тобой? Ты бредил, — сказала она.

— Ничего, дорогая, свари-ка кофе, а потом я тебе все расскажу. Мне понадобится твоя помощь.

Мелена ушла на кухню, а Петер подумал, что теперь самая пора начать выполнять миссию, возложенную на него цвагами. Он снова положил руку на живот и очутился в спальне самого главного босса.

— Как вы сюда попали? — испуганно спросил босс и будто случайно наступил на кнопку сигнала.

Тотчас вбежали в комнату двое дюжих молодцов, замерли у двери.

— Возьмите его, — сказал он. — Выясните и доложите.

«Молодцы» кинулись на Петера, с деревянным стуком налетели друг на друга и завертели вокруг, стараясь схватить то, что им казалось Петером. Босс выхватил из-под подушки дамский пистолетик и принялся стрелять из него во все стороны. Вскоре один из телохранителей упал, а другой, наконец-то найдя для себя настоящее дело, уволок его за дверь.

— Что будет дальше? — спросил Петер, снова оставшись наедине с боссом. — Не дурите голову ни себе, ни другим. Со мной ничего не поделаете. Меня не убьешь и атомной бомбой.

Последнее он придумал, ибо еще и сам не знал пределов своих возможностей. Но простим ему эту маленькую ложь. Ведь он был газетчиком и, случалось, даже не в таких чудесных ситуациях изображал живого слона там, где была лишь однадохлая муха. Он и прежде знал, что, если желаешь в чем-то убедить другого, хотя бы и в ложном, говори увереннее.

— Да, да, запомните хорошенько, вам от меня не избавиться. Так что лучше слушайте и запоминайте. Мое требование: сегодня же вы официально призовете мир к уничтожению атомного оружия. Не выполните — пеняйте на себя...

И он исчез. Но, прежде чем вернуться к своей Мелене, заглянул к редактору бывшей своей газеты.

— Вам нужна информация, мне нужны деньги.

Но редактор был дока на своем месте. Он привык иметь дело с призраками всякого рода, поэтому ничуть не удивился предложению.

— Если вы такой вездесущий, скажите, что сейчас делает моя жена?

— Лежит в постели и пьет кофе с ликером.

Редактор снял телефонную трубку, позвонил жене и выяснил, что она действительно лежит в постели и пьет кофе.

— Беру! — воскликнул редактор, обрадованный не столько уникальной способностью Петера, сколько преданностью своей молодой жены. — Что вы можете предложить для начала?

— Репортаж из интимной жизни первого босса.

Еще до того, как подпрыгнувший от изумления редактор успел опуститься в свое кресло, Петер вернулся под теплое крылышко Мелены. Первое, что он увидел, были ее большие, испуганные глаза.

— Я не могла тебя добудиться. Ты был такой бледный и бредил.

— Поняла что-нибудь?

— Смеялся, говорил с кем-то. Что тебе снилось?

— Это не сон.

И Петер рассказал ей все о цвагах, о чудесном яйце, которое он проглотил, и о новой способности путешествовать.

— Теперь я сам могу быть Зеленым призраком, — хвастался он. — Я буду лежать тут и, не сходя с места, летать по миру в своем зеленом облаке. Я покажу людям их безрассудность и спасу человечество от катастрофы. А ты будешь охранять меня и никого не впускать в комнату, пока я не проснусь.

— А если ты будешь там, а что-то случится тут?

— Ты меня вызовешь. Сбросишь руку с живота, и все. Но не делай этого без крайней надобности. Поняла?

Он похлопал себя по животу и услышал в ответ глухое ворчание. Будто сидел там какой зверь и сердился за то, что его беспокоят.

— Ой! — испугалась Мелена.

— Не бойся, такое у меня и прежде бывало...

Ей пришлось вызвать Петера из таинственного сна в тот же

день. Как только он после обеда отправился в очередное свое путешествие, в дверь забарабанили с полицейской вежливостью. Ворвались четверо, скрутили Петера и увезли.

Его бросили в глухую камеру без окон и с дверью о четырех запорах. Он лег на топчан, положил руку на живот и сразу же отправился с визитом к первому боссу. Тот сидел в своем великолепном кабинете и грелся чаем в обществе молодой секретарши.

— Вам, кажется, не хочется жить! — развязно сказал Петер. Он знал, что такой тон больше всего действует на обывателей независимо от рангов. — Почему вы приказали арестовать журналиста Петера-Метера? Только потому, что я похож на него?

— Это сделано без моего ведома, — пролепетал босс.

— Старо. Начальники ссылаются на самоволие подчиненных, подчиненные — на приказы свыше. Есть преступления и нет преступников... Немедленно освободите журналиста.

Через десять минут в камеру к Петеру ворвались надзиратели, раздели его и унесли одежду на исследование.

С этого момента босс потерял покой. Петер преследовал его всюду: в кабинете, на заседаниях, в бронированных авто, в спальнях и даже под кроватью, куда тот залез было, прячась от Зеленого призрака.

На другой день газета вышла с сенсационным репортажем о личной жизни первого босса. Репортаж содержал такие подробности, что босс сдался. Петеру вернули одежду и отвезли домой.

А через четверть часа в городе началась паника. Виданное ли дело, чтобы по улицам со скоростью такси носился зеленый человек, исчезал в одном месте и внезапно появлялся в другом. То он ехал на крыше автобуса, то шагал по банковским столам, заваленным деньгами, то легко, не разрушая конфетных сооружений, проходил по витринам гастрономических магазинов. И часто, не рассчитав, влетал с разгона в комнаты, куда входить совсем было ни к чему. Представьте, читатель, что в окно вашей квартиры, где-нибудь на 49-м этаже, в самый неподходящий момент вдруг заглядывает незнакомый мужчина с растрепанной зеленой шевелюрой, и вы поймете, какого страха нагнал Петер на своих сограждан...

Вечером, уставший от долгой скачки по городским улицам, Петер лежал на своей кровати и думал о сложностях мира. Уж на что велика и поистине вездесуща способность, подаренная ему цвагами, а и она может оказаться бессильной. Петер убедился, что никак не успеть заглянуть во все закутки города, куда может спрятаться человек. А ведь есть еще закутки душ. И первая иголочка сомнения уколола его: смогут ли цваги контролировать всю множественность людского мира?..

Тихая ночь, причудливо расцвеченная уличными рекламами, вползала в комнату. «Спаситель человечества» крепко спал, не видя ни людей, ни стран, ни даже обычных снов. А Мелене не спалось. Держа Петера за руки, она глядела в темный потолок и напряженно прислушивалась к тихому пощелкиванию цваговского шарика у него в животе. По привычке ей все казалось, что это от сухомятки.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Наконец-то Петер обрел покой. Исправно пошли гонорары, и хозяева соседних магазинов стали кланяться вдвое ниже. Мелена хлопотала по дому и старалась никуда не отлучаться, зорко охраняя Петера. Хотя в этом не было надобности: дом охранялся тайной агентурой. Петер только усмехался, наблюдая за «мальчиками», гулявшими у подъезда. Это даже льстило: ведь ни один гангстер не удостоивался такого внимания.

Некоторое время Петер надоедал первому боссу, требуя хотя бы заявления, осуждающего атомное оружие. Но тот признался, что от него ничего не зависит, что он связан круговой порукой с семнадцатью другими высокопоставленными господами, а кто из них главный, он и сам не знает.

И Петер решил «выяснить отношения» со всеми семнадцатью, начав с самого толстого из них. Для этого ему не нужно было больших сборов: лег на кровать, положил руку на живот и...

Был вечер — веселое время суток. Косматыми чудищами метались над улицами рекламы. Дома-великаны сверкали окнами, как солдаты начищенными пуговицами. Люди прятались в коробки автомобилей, уносились куда-то на край великого города. А те, кому некуда было спрятаться, робко жались к стенам домов, словно молящие о пощаде побежденные к сапогам победителей, и жаждущие иллюзий прятались в норы ночных баров, уходили в истерику джазов, в мутный блеск дешевых витражей и бутылок.

А там, где жил «самый толстый», была тишина. Полицейские глядели в оба на все движущееся, готовые в любую минуту сорваться с места, догнать, остановить.

Петер без труда нашел тихий особняк, вспорхнул на подоконник, огляделся, неслышно сел в глубокое кресло. «Самый толстый» играл с детьми в войну. Три мальчика и две девочки подкрадывались с игрушечными автоматиками к доброму папеньке, спрятавшемуся за свой широкий стол.

— Папочка, я тебя убил! — радостно кричал старшенький.

— Нет, это я тебя убил!..

Петер кашлянул. И все юное воинство вмиг исчезло, побросав оружие. И папочка пополз было к дверям, по пути нажимая на все кнопки, спрятанные под ковром.

— Не пугайте охрану, — сказал Петер. — Я не убийца.

— Не обманываешь? — спросил «самый толстый», отряхивая штаны. — А то ведь у нас все так говорят.

— Мне надо вам кое-что сказать.

— Я дома не принимаю.

— На этот раз придется.

— Кто вы такой?

— Посланец цвагов.

— Их не существует, — сказал «самый толстый», пятясь к двери. Вдруг он, как молодой спринтер, сорвался с места, выскочил в другую комнату и захлопнул дверь.

— Ай-я-яй! — сказал Петер, появляясь у него за спиной. — Такая прыть при вашей комплекции?

— Что вы хотите! — взвыл «самый толстый».

Петер сказал, что через три месяца мир взлетит на воздух,

что надо немедленно начинать уничтожение ядерного оружия. Не жалея красок, он обрисовал картину ада, который ждет людей, если они ослушаются. Но то ли «самый толстый» не поверил, то ли был приучен к сгущенным краскам, но он не удивился, не испугался и не обрадовался. Только спросил занудливо:

— Ну и что?

— Как это? — удивился Петер. — Надо действовать.

— Вы рассуждаете как последний булочник. Впрочем, где уж чужакам разобраться в тонкостях нашей политики, если мы сами в ней не можем разобраться. Я, по-вашему, бог? Да я свободен меньше, чем рядовой полицейский. Если я хоть пальцем пошевелю самостоятельно, Джеймс меня тут же и похоронит.

— Кто этот Джеймс?

— Первый человек в государстве. Если чего хотите добиться, начинайте с него...

Джеймс произвел на Петера хорошее впечатление: этакий красавец мужчина, не робкий и понятливый.

— Да, человечество надо спасать, — твердо сказал он, — и мы готовы это делать... Атомное оружие? Да, пора за него взяться. Действуйте.

— Это вы должны действовать.

— Не будем обманывать себя, — сказал Джеймс. — Я лишь исполнитель. Есть и поглавнее. Например, Касс...

Судя по габаритам, Касс был действительно солидной фигурой. Он выпучил на Петера глаза и вызвал секретаршу.

— Откуда взялся этот черт?

— Я его не пропускала! — испугалась секретарша.

— Я от цвагов, — сказал Петер.

— Не помню такой фамилии. Кто они?

— Посланцы иных миров.

— А, эти чудаки, которые думают, что с уничтожением атомного оружия наступят мир и благодать? Да мы и без атомных бомб можем передуть всех цвагов поодиночке и оптом. Вместе со всеми людюшками, если кто помешает. Да мы... Впрочем, это же военная гайна.

— От меня нет тайн.

— Неужели? А ну-ка скажите, что делается вон в том доме?

— Какой ужас! — воскликнул Петер. — Что вы сделали с человеком?!

— Неплохо, а? Он смертник, ему все равно на тот свет, так пусть сначала послужит науке.

— Разве это наука?

— О, у нас лучшие профессора. Ваши цваги умрут от зависти, когда узнают, что мы умеем. — Касс махнул рукой. — Раз уж вы все можете, так лучше я сам расскажу. Сколько, к примеру, нужно ядерных бомб, чтобы перебить всех людей? То-то, что много. А у меня есть одна вот такая пробиручка, и в ней достаточно яда, чтобы отравить человечество. Разве это не поражает воображение? «Мелиондоза», «Лихорадка Кью»! Не правда ли, звучит как песня? Да и старушка чума у нас переродилась. Теперь ее ничем не вылечить. А психические газы! Пролетел самолет над городом — и все люди веселятся,

ни политика им не нужна, ни работа, только бы плясать да целоваться. И умирать с улыбкой. Разве это не гуманно?.. А можем и такой туманчик пустить, что враги сами себя перебьют до единого. Как в сказке...

Касс закрыл глаза от удовольствия. Петер молчал, потрясенный новыми перспективами.

— Ну стоит ли, скажите, хлопотать о каких-то атомных бомбах? Это же вчерашний день, что-то вроде лука и стрел. — Касс хохотнул, довольный собой.

— И вы можете пустить в ход свои «гуманные средства»? Я сейчас же сообщу об этом в газеты.

— Вальяйте, — рассмеялся Касс. — В газетах сочиняют и не такие страхи. В них никто не верит.

Это была правда. Сам газетчик, Петер отлично знал, как трудно ориентироваться в каменоломнях противоречивой информации. Ему впервые пришла мысль, что, может быть, это делается сознательно, чтобы читатель не смог догадаться о действительном положении дел и, не дай бог, не начал бы думать самостоятельно.

— И все же давайте уничтожить атомное оружие. — Петер решил оставаться верным своей миссии.

— Ну зачем же? Мгновенная смерть от бомбы, согласитесь, куда гуманнее кровавой рвоты от ядов.

— Вы же человек, черт возьми! — разозлился Петер. — Должны же вы думать о будущем!

— Будущее — это забота Бухелы. Мое дело — настоящее.

— Кто эта Бухела?

— Прорицательница. Мудрейшая женщина. На десять лет вперед видит. Мы с ней всегда советуемся...

Через секунду Петер стоял возле шикарного двухэтажного особняка в конце улицы. На железных витых решетках ворот висела вспыхивающая реклама с огромной надписью: «Предсказываю все, кроме погоды».

В большой угловой комнате второго этажа, обитой черным бархатом, был полумрак. У свещающегося изнутри столика сидели двое — пожилая дама в черном и сморщенный старичок, одетый как на официальный прием. Дама не мигая глядела в глаза старичка. Потом она быстро опустила взгляд к столику и сказала так, будто ее душили:

— Скажи мне, дух Абадонны, должны ли мы вкладывать капитал в производство бюстгальтеров?

Столик вдруг вспыхнул ярко, осветив лица.

— Я так и знала, — воскликнула женщина. — Абадонна говорит, что бюстгальтеры выходят из моды и что капитал нужно помещать в производство ракет...

— Врет он, ваш Абадонна, — сказал Петер, появляясь на потухшем столике.

Женщина завизжала и мигом исчезла из комнаты, словно тоже обладала способностью цагов. Старичок повесил челюсть на грудь и вывалил глаза на переносицу.

— Ты, папаша, посиди пока, а я пойду поговорю с гадалкой.

Он нашел ее не сразу: не вдруг вспомнил, что женщины, когда им страшно, залезают под кровать.

— Не бойтесь! — крикнул он ее вздрагивающим ногам. —

Я хочу поговорить с вами о том, как поднять авторитет вашей фирмы.

— А вы не обидите бедную женщину?

— Слово джентльмена.

— Как вы меня напугали, — сказала она, выползая из-под кровати. — Вы в самом деле дух?

— Вроде этого.

— Хорошо, что вы возникли прямо из столика. Мой клиент сделает мне рекламу.

— Я вам сделаю рекламу, о какой вы и не мечтали.

И он рассказал ей о пришествии цвагов, о близком конце света, о необходимости уничтожить атомное оружие.

— Ну нет, — сказала Бухела, едва он кончил. — На это я не пойду. Я же потеряю всех клиентов...

И Петер начал сначала.

На этот раз перед домом «первого босса» было шумно. Клоуноподобные юнцы лезли на фонари и кричали что-то непонятное. Другие хохотали, свистели, обнимались с девчонками, целовались, дрались.

— Что здесь происходит? — спросил Петер, появляясь возле полицейского, безучастно стоявшего в стороне.

— Забавляются балбесы. У нас же свободная страна.

— Даже слишком.

— А ты, собственно, кто такой?..

Но Петера рядом уже не было. Он появился на верхушке столба и крикнул сверху в осатаневшую толпу:

— Боритесь за уничтожение атомного оружия! Иначе все вы погибнете!

Дикий хохот и гвалт были ответом.

— Ай да ловкач!

— Ты как туда залез?..

В соседних переулках, как по команде, заревели полицейские сирены, и черные мундиры начали пробиваться к столбу. Но Петера там уже не было. Он стоял на другом конце площади возле паренька, тренькавшего на гитаре.

Привет тебе, мамуля,
Твой сын забрит в солдаты,
Поэтому не жди его пока...

Вокруг кольцом стояли люди, молча слушали.

— Через три месяца вы все погибнете! — крикнул Петер, когда гитарист умолк и стихли аплодисменты. — И все человечество погибнет. Если за это время не будет уничтожено атомное оружие!

— С чего ты взял?

— У него жена рождает через три месяца!

— Не мешай слушать! — кричали Петеру со всех сторон.

Паренек с гитарой наклонился к нему, сказал тихо:

— Вы слишком прямо. Они так не привыкли.

И запел, откинувшись к черной коре липы:

Богатым бедные — бельмо в глазах,
Голодным сытые — как боль в зубах,

И так из года в год,
Из рода в род...
Вот анекдот...

Завыли сирены. Из толпы вынырнул полицейский, взмахнул дубинкой, ударил по гитаре. Разноголосый стон вскинулся и умер, утонул в реве толпы.

— Как вы смеете! — крикнул Петер.

— У нас свобода, — оскалился полицейский. — Вы смеете петь, а я смею вас лупить.

Он замахнулся на Петера и выпучил глаза. Бить было некого...

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

После нескольких дней мотаний по свету в поисках здравого смысла Петер решил вернуться к «первому боссу» и во что бы то ни стало добиться от него толку. Но босс к этому времени успел опомниться. Едва он увидел Петера, как изобразил на лице величайшую радость и пошел к нему навстречу с протянутыми руками.

— Куда вы пропали? Я всю полицию поднял на ноги!

— Неужели понадобился?

— Представьте себе. Мне пришла в голову гениальная идея. Правда, пока я «первый», они у меня все гениальные. Но эта в особенности... Знаете ли вы, у кого больше всего врагов? Конечно, у «первого». Ибо его деяния касаются всех. А всем, как известно, не угодишь. Вот и погибают боссы во цвете лет. Ведь у нас свобода, каждый может купить хоть пулемет... Вы понимаете, что я с вами до конца откровенен? — Тут «первый босс» попытался похлопать Петера по плечу, но рука его упала, не найдя опоры. — Простите, никак не могу привыкнуть к вашему облику. То ли вы есть, то ли вас нет. Но ведь это и хорошо и отлично! Вас же нельзя убить. Берите все полномочия, поезжайте вместо меня, выступайте, обещайте что хотите и делайте, делайте свое благородное дело...

Идея была неплохой: не через чьи-то руки, а самому лично обратиться к людям, убедить их, пользуясь привлекательным мандатом представителя «первого босса». А уж людей только разозлить, напугать как следует, зажечь только — не погаснут. Толпа — стихия, шарахается — никакие стены не удержат...

Так думал Петер. А босс, не дожидаясь ответа, уже звонил куда-то.

— Алло, Пат? Тут к тебе явится... Именно явится, а не придет. Это он умеет. Увидишь как. Жди через минуту... Он будет действовать от моего имени. Да, да, пусть выступает где хочет и говорит что хочет. Он от цвагов. От тех, что будто бы собираются прийти на Землю... Да, зеленый, совсем зеленый и немного прозрачный. Можешь сообщить газетам, что, мол, представитель зеленых цвагов выступает... Впрочем, ему тоже нужна реклама.

«Первый босс» положил трубку, повернулся к Петеру.

— Все что в моих силах. Поезжайте... то есть отправляйтесь...

Ха-ха!.. Поработайте пока, а я отдохну. Совсем выдохся от речей... — И он помахал ручкой, как это всегда делал перед избирателями.

Петер на мгновение закрыл глаза и очутился в другом кабинете. Перед ним сидел молодой улыбчивый человек в сером костюме и с короткой прической рыжеватых волос.

— Привет, — сказал он, ничуть не удивившись Петеру. — Меня зовут Пат. Репортеры сейчас будут, вы им все сами и расскажете. Не хотите ли пока рюмочку?

— Спасибо. Я лучше пройдусь по городу, — сказал Петер. И исчез.

Это был всем городам город. По широченным магистралям неслись толпы автомобилей. Длинноволосые юноши, нанятые автомобильными фирмами, задирали на перекрестках прохожих, предпочитавших ходить пешком. Рыжие блондинки выглядывали из лакированных лимузинов, зазывали мужчин. Рекламы свисали с крыш до самых тротуаров и снова возносились в темное небо.

«Приобретайте наши товары заблаговременно», — звали рекламы.

«Приятное с полезным. Томики стихов лучших поэтов для чтения в туалете!»

«Самые короткие ночные рубашки для спящих царевен!»

«Покупайте новый бестселлер «Как стать счастливым без денег!»..»

Всюду чувствовались комфорт, довольство и беззаботность. Казалось, люди достигли всего, чего хотели, и теперь изощряются, тешат свои прихоти.

А репортеры уже ждали его, шумели в тесном зале. Ничуть не удивившись неожиданному появлению Петера, забегали, отталкивая друг друга, оцетинились сотней объективов, ослепили вспышками.

Добрых полчаса Петер рисовал перед ними страшную картину конца света. Почти час рассказывал о том, что могут приобрести люди, если не послушаются. Разозленный равнодушием властей, он кидал в зал фельетонный сарказм, сыпал афоризмами, метался по залу в своем зеленом ореоле и сам, будто со стороны, любовался своим мессианским величием. И замирал от предчувствия завтрашних сенсационных заголовков. Он мысленно уже видел толпы взбудораженных горожан, митинги, демонстрации «антиатомных бунтарей».

Когда он кончил, в зале на минуту наступила тишина. И тотчас словно взорвалась: репортеры кинулись к телефонам. Пришлось объявить перерыв. За это время Петер успел заглянуть в редакции, постоять у взбесившихся телетайпов. Дело, кажется, начиналось неплохо.

А после перерыва посыпались вопросы:

— Как цваги относятся к крику женской моды — вырезу на животе?

— Если цваги против атомного оружия, то что они думают об использовании в войне летучих мышей?

— Есть ли у цвагов женщины и каков у них бюст?

— Известен ли пришельцам новый фильм «Мои милашки» и признают ли они его секс-бомбой?

— На верном ли пути омфалопсики? Те самые, что ищут истину в созерцании собственного пупа?..

Сначала Петер пытался отвечать, потом возмутился.

— На карте судьба человечества! — крикнул он.

И снова со всей страстью принялся расписывать ужасы, которые видел в полуреальном сне, навеянном цвагами. И осекся, заметив, что репортеры начали зевать и потихоньку расходиться: они это уже слышали, они спешили за новеньким.

Вскоре в зале осталось лишь несколько человек, совавших Петеру банковские чеки.

— Мы понимаем, фирма индивидуальных атомуубежищ очень богата, — твердил один из оставшихся. — Но и мы можем хорошо заплатить. Только репортеры начали упоминать о спасительных свойствах нового пластика для надувных матрацев...

«Что ж, этого следовало ожидать, — подумал Петер. — Люди есть люди. Каждого интересует только то, что его интересует».

Даже в своей бестелесности Петер почувствовал усталость.

— Мне бы ваши заботы, — сказал он. И добавил равнодушно: — Беззаботные вы идиоты!..

Если бы он знал, как опрометчиво для знаменитости говорить в рифму. Эти его последние слова вызвали особый восторг прессы. Их потом обсасывали все газетные поэты. Композиторы сочиняли на них модные песенки. Эстрадники, выбивавшие «катомные чечетки», непременно вставляли «стишок» в свои куплеты...

А Петер вернулся к своей Мелене и... запил. Стоит ли удивляться? Ведь это такое обыденное явление в обществе, где иными средствами так трудно добиться цели!

Время от времени он снабжал газету скандальной информацией, накопил «утешительного» и, подталкиваемый «зеленым змием», метался по миру в своих чудесных зеленых снах. Он пугал главнокомандующих, уличных девочек, футбольных кумиров своими неожиданными явлениями и непонятными требованиями. Иногда он попадал на высокие научные собрания, слушал премудрых мужей, тешивших свое тщеславие заумными дискуссиями. Там ему казалось, что перед ним вовсе и не люди, а некие далекие от мира существа, вроде цвагов, только менее терпеливые. Он лез на трибуны со своими антиатомными заявлениями, но его не слушали, ибо в научных дискуссиях существовала давным-давно расписанная очередь и всякая внеочередность воспринималась присутствующими как личное оскорбление.

Однажды ему пришлось в голову навестить Штангеля.

— Ну и пусть все к черту взрывается, — сказал Штангель, выслушав Петера. — Людям нужны удары судьбы, люди без них не могут... Ну а лучше всего, если цваги уберутся ко всем чертям...

Петер не согласился, сказал, что людям для прогресса непременно нужно искать контакты с инопланетными цивилизациями.

— Не хочу никаких контактов! — вскричал Штангель. — Не желаю превращаться в очередного профессора Псишку!

— Кто это?

— Один чудак. Вбил себе в голову, что муравьи тоже цивилизация.

— Ну и что же?

— Ищет контактов. Газеты им читает, книжки показывает с картинками. Муравьи, конечно, чихать хотели на его уроки. А Псишка одно твердит: главное — непрерывность посылаемой информации. Говорит, что рано или поздно они догадаются. Ты сходи к нему, тебе это полезно.

— И схожу.

Петер закрыл глаза и сразу услышал слоновий топот и далеко не научные словечки.

— Я вам покажу цивилизацию! Варвары, людоеды проклятые! — скрипел астматический голос.

Петер увидел седовласого старца, сплошь облепленного рыжими муравьями. Старец пинал муравейник, бил его, как хлыстом, тонкой указкой.

— Профессор Псишка?

— Ну я, ну и что? У каждого бывают ошибки. Если хотите знать, в научной работе отрицательный результат тоже результат.

Профессор подпрыгнул, поджал ножки и с размаху сел на муравейник.

— Я к ним и так и этак, а они кусаться! Дождались, когда уснул, залезли под одежду да ка-ак куснут все разом!.. А вы кто такой?

— Ваш друг. Вы говорите, что они вас куснули все разом? Одновременно?

— Э... видите ли... я спал...

— Так это же величайшее открытие! Они откликнулись! А поскольку челюсти у них единственный известный нам способ общения, то они и пустили его в ход.

— Вы полагаете?..

— Терпите, профессор. Терпите и старайтесь понять, что они хотят сказать, кусая вас. Терпите, мученик от науки. Не обижайте ваших братьев по эволюции...

Петер шутил, но ему было не до шуток. Иногда по утрам, когда рассеивался туман спиртного и кошмарных снов, он с тоской смотрел на календарь и считал часы до катастрофы. Тогда он распахивал окно, глядел на город и плакал от бессилия. Как в детстве, когда тверда была вера, что на слезы слетаются добрые ангелы.

Однажды это протрезвление пришло поздно вечером. Петер взглянул на календарь и ужаснулся: до катастрофы оставалось восемь часов.

— Нет! — закричал он, перепугав Мелену. — Не может быть!

Он накинул плащ и выбежал на улицу. Тихий дождь сгоняя в канализационные трубы дневной зной, оживлял полузадушенных жарой горожан. Люди шли, пестрые в свете реклам, и улыбались дождю. А Петер бежал мимо них, думая о том, что завтра, всего лишь завтра такие дожди будут вызывать ужас.

Мелена едва попевала за ним, ни за что не желая отпу-

скасть Петера одного. Ночью они вломились в квартиру белогобородого Вонани.

— Вы же обещали рассказать... — начал ученый.

— К черту счеты! — раздраженно перебил его Петер. — В шесть утра мир взлетит на воздух!

К счастью, Вонани относился к той редкой категории людей, которые, несмотря ни на что, предпочитали верить другим. Он провел ночных гостей в лабораторию, где все еще стоял старый ржавый котел. Петер забрался в люк. Мелена решительно полезла за ним.

— Я буду с тобой, — заявила она.

Он не стал спорить. Теперь ему было все равно.

Цваги заставили долго ждать. С полчаса Петер видел перед собой только светлый круг люка-иллюминатора и за ним белый халат Вонани. И когда нервы готовы были лопнуть от нетерпения, он почувствовал невесомость и услышал далекий свист в зеленом трепыхании тонких лучей.

На этот раз все было как-то иначе. Петеру даже показалось, что он чувствует холод. Так во сне идешь босиком по снегу и знаешь, что это нереальность, и знаешь также, что за этим какая-то реальная основа. И просыпаешься, и находишь, что сон не фантазия, что ногам действительно холодно, потому что во сне ты их высунил из-под одеяла. Вот и теперь был словно сон. Только такой, от которого нельзя самому проснуться.

Мелена раскрыла рот, пытаясь что-то сказать, но Петер ее не услышал. Он взял Мелену за руку и стоял так, переступая по серому лунному гравию.

— Что вы хотите?

Мелена вздрогнула и оглянулась.

— Вы не должны этого делать! — крикнул Петер в черную пустоту.

— Мы давали вам время.

— Что нам ваше время. Мы же совсем другие. Вы приходите как диктаторы, предъявляете ультиматум, сулите золотые горы. А мы не умеем, понимаете, еще не можем ничего принять. Если ваша цивилизация так высока, то она должна быть доброй. Как же иначе?!

Петер умолк, не слыша возражений. Ему показалось, что он говорит сам с собой. Так бывает на больших митингах, когда теряется неуловимая ниточка-связь между оратором и толпой. Оратор все еще говорит, накаляет себя, а вокруг уже космический холод равнодушия.

— ...Давайте нам то, что мы можем взять. Укажите для начала хотя бы лекарства от наших болезней. Вы молчите? Вы понимаете, что для этого вам понадобится изучить болезни, а стало быть, и всего человека со всеми его историческими, биологическими, психическими противоречиями и сложностями. Для этого вам пришлось бы повторить нашу жизнь, начав все сначала. Но в этом случае еще неизвестно, сумеете ли вы указать лекарства раньше, чем мы найдем их сами...

Что же вы не возражаете? — раздраженно крикнул Петер.

И снова ему не ответили.

— ...Нельзя ребенка сделать сразу большим. Он должен

сам пройти все стадии роста. У нас тоже бывают резкие скачки, мы их называем революциями. Но они закономерный, необходимый этап эволюции. А вы предлагаете взрыв. Чтобы ничего старого и все новое. Это гибель эволюции. Это не наш мир. Человечество погибнет сразу или выродится. Возможно, вы нас будете кормить и баловать, как мы наших кошек и собак. Но не думаете же вы, что нам понравится такая перспектива? Неужели вы не понимаете, что вся суть социальной эволюции — в праве самим разрешать свои трудности. Помощь? Давайте нам помощь, которую мы в состоянии принять. Решение наших проблем без нас и за нас — это гибель...

— Что же вы предлагаете? — услышал Петер и обрадовался блеснувшей надежде.

— Выход есть, — быстро заговорил он. — Живите себе на Луне, на Марсе, где хотите, но оставьте нас в покое. И давайте общаться в тех пределах, в каких мы можем вас понять. Наши ученые найдут пути к вашим знаниям. Будьте учителями, а не фельдфебелями. И не надо ни отметок, ни розог. Пусть мы сделаем не все так, как вам нравится, но мы не покусимся на ваш покой. А со своими проблемами мы сами справимся. И атомные бомбы уничтожим, и военщину обезоружим. Нужно только время. В конце концов мы же разумные существа...

И вдруг упало густое черное небо. Беззвучно рухнули, провалились белые острые скалы. И розовый свет стал заливать черную ночь. Петеру показалось, что свет пахнет. Он потянул носом, уловил запах левкоев. И в тот же миг почувствовал, что лежит на чем-то неровном и колючем. Открыл глаза, увидел бело-розовые цветы и за ними густое рассветное небо.

Петер приподнялся, опираясь рукой о рыхлую влажную землю. И увидел, что сидит посреди цветов на большой клумбе городской площади, той самой, по которой за ним бегал полицейский. Мелена лежала рядом в неудобной позе неожиданно упавшего человека. Он наклонился над ней, расстегнул блузку и обрадовался, увидев живую пульсирующую кожу в ложбинке под горлом.

— Который час? — спросила Мелена, открывая глаза.

Внезапный страх придавил ему плечи. Может, именно теперь большая стрелка часов подходит к цифре шесть, может, уже через секунду прогремит над миром триллионноглоточный глас накопленных водородных бомб — страшный вестник конца рода человеческого?

Петер заметался глазами, не сразу нашел большой циферблат на башне. Часы показывали двенадцать минут седьмого. Белый гаснущий диск Луны висел над башней, а внизу, на залитой ранним солнцем площади, уже шумели первые зеленщики.

Мелена прижалась к нему и вдруг нервно и судорожно разрыдалась.

— Что ты, глупая, — уговаривал Петер. — Теперь только радоваться, теперь все будет хорошо.

Он не видел, что с другой стороны, нетерпеливо поигрывая дубинками, к ним спешили двое полицейских...
